

В ЗАПОЛЯРЬЕ

Л Белому морю

Как-то в Москве на выставке я видел картину «Белая ночь в Кандалакше»: низкое полуночное солнце, золотистый отблеск в воде залива и дымчатая синева округлых лесистых гор...

И вот я в вагоне дальнего поезда Москва—Мурманск. Еду в эту чудесную страну.

Поезд идет лугами. Оттуда тянет холодком, запахом свежей травы. Далеко у речки краснеет огонек костра. Наверно, ребята в ночном или на рыбалке. Невольно вспоминается, как сам еще мальчишкой ночевал у костра, поглядывал на побелевший восток, слушал звонкий бой перепелов, надрывный скрип коростеля в ближайшем болотце, а потом, на заре, лазил по высокой мокрой траве осматривать расставленные на ночь живцовые удочки. Давно это было. Сколько с тех пор утекло воды: ученье в школе, Москва, университет, потом литературная работа, и через все это, как самое дорогое воспоминание, — мальчишеские ночевки у костра, холодок утренних зорь, перепелиный крик в лугах... Да, много лет прошло с тех пор, как я в речке у старой мельницы поймал на удочку первого голавля и на всю жизнь сделался рыбаком, охотником, путешественником по родной стране...

А теперь я еду в заповедник, буду жить на острове среди моря, изучать повадки диких птиц, писать о Севере. Теперь на все лето покончено с городской жизнью. Вместо трамвая — просмоленный морской бот, вместо „душной комнаты — парусиновый холодок палатки, а вместо электрической лампочки — яркий, не гаснущий летом свет полуночного солнца.

Мои спутники — Николай и его жена Наташа — строят самые веселые планы на будущее. На Севере они уже не в первый раз. Коля — один из организаторов заповедника. Теперь ему предстоит изучать жизнь ценнейшей морской птицы — гаги¹. Для охраны и разведения этой птицы, собственно, и организован в Кандалакшской губе Белого моря специальный заповедник. А Наташа займется изучением различных моллюсков.

Мы уже проехали Ленинград. За окнами мелькают болотца, торфяники с редким низкорослым сосняком, лесные речонки, поросшие черноталом, изредка густые еловые гривы и опять торфяные болотца с чахлым сосновым криволесьем. Поезд на минуту останавливается на маленьких полустанках, заваленных строевым лесом, пахнущих смолой, и спешит все дальше и дальше на север.

За Петрозаводском характер местности резко меняется: круче лесные склоны, из-под зеленого мха выглядывают гранитные скалы, целые россыпи серых валунов виднеются на земле среди мха. Потом лес и скалы вдруг расступятся, и засинеет озеро, за ним второе. А дальше опять скалы и лес, лес — до самого горизонта.

Вчера была последняя ночь. Теперь мы уже в полосе непрерывного северного дня. Сейчас одиннадцать часов вечера, а в окно вагона все еще светит низкое ночное солнце. Оно как будто остановилось на небе, задумалось, глядя на землю, и не хочет уходить.

Ночное солнце, скалы, чахлое криволесье и синие задумчивые озера — это уже настоящий Север. Скоро покажется и Кандалакшская губа Белого моря.

Спрятавшись на минуту за верхушки леса, солнце вновь всплывает. Наступает утро. По вагону со свернутыми флажками идет кондуктор.

— Кому до Кандалакши, приготовьтесь! — говорит он.

Вот и конец нашего пути.

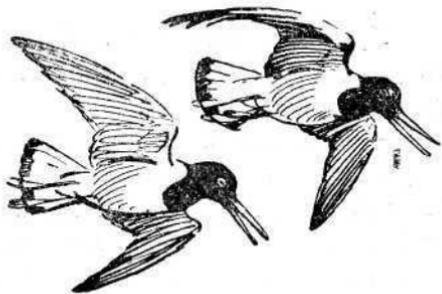
На острова

В первый же день по приезде в Кандалакшу мы отправились на заповедные острова.

Не без труда и с величайшими предосторожностями втащили мы в моторный бот инкубатор — прибор для искусственного выведения птенцов.

¹ Гага относится к семейству нырков. По внешнему виду она очень похожа на крупную утку, поэтому ее часто и называют морской уткой.

Это большой и очень тяжелый шкаф. Внутри него множество трубок для горячей воды, которая заменяет яйцам тепло наседки. Николай хотел применить инкубатор для искусственного выведения гагачат.

Наконец мы тронулись.

Кандалакша осталась позади.

Мерно постукивал мотор. Нос

бота разрезал на две крутые зеленоватые волны спокойную гладь залива.

— Вот мы и на море. А казалось, не выберемся из Москвы, — сказал Николай.

А мне даже как-то странно было слышать эти слова: «на море». С морем у меня с детства связалось представление о безбрежном водном просторе, а тут всюду виднелась земля. Налево от нас возвышался гористый, покрытый лесом берег, а справа и далеко впереди — острова. Мы проплыли мимо одного, другого... Вдали острова сливались с противоположным берегом. И, глядя на них, невольно казалось, что мы плывем по озеру или по широкой реке. Но от этого морской залив не терял своей прелести — наоборот, для меня он был еще прекраснее. В нем я чувствовал что-то привычное, свое, что-то от наших родных мест.

Как чудесно! Вокруг сверкающая гладь залива, зеленые, лесистые берега, а над головой безоблачное небо. Солнце слепило глаза. Было жарко. Так и тянуло сбросить одежду и окунуться в эту прозрачную зеленоватую воду. А я-то представлял себе Север вечно хмурым, ненастным...

Я опустил руку за борт и невольно вздрогнул: пальцы обожгли ледяные брызги: «Не-ет, пожалуй, в такой воде не искупаешься!»

— А вот и луда! — сказал Николай, показывая на груды серых камней, торчащих из воды.

Наш бот подошел к ближайшей луде. С нее слетели несколько больших белых чаек и с криком стали кружиться над головой. Вон и еще какие-то долгоносые птицы с писком летят нам навстречу.

— Кулики-сороки! — показал Николай. — Их на каждой луде пропасть! Гнезда у них тут.

Кулики-сороки! Вот ведь где встретились старые приятели! Сколько раз я гонялся за ними с ружьем по окским песчаным отмелям...

Прошло около часа. Мы проплыли несколько островков. Вдруг впереди, на самом берегу большого зеленого острова, показался белый домик.

— Вон, вон наш дом виднеется! — радостно воскликнула Наташа. Бот подчалил к каменистому берегу, почти к самому дому. Мы прибыли во время прилива, и это не случайно. Местные жители привыкли пользоваться подъемом и спадом воды. Каждые шесть часов вода в море поднимается — приливает, и каждые шесть часов опускается — отливает. Если бы мы приплыли во время отлива, наш бот остановился бы метров за двадцать от дома, и было бы трудно перетащить по грязи тяжелую поклажу.

На берегу нас поджидало все население острова: два научных сотрудника заповедника — Ирина и Рая, и старший наблюдатель — Иван Галактионович, о котором я уже много наслышался от Николая во время нашего пути.

Общими силами мы перетащили из бота на берег привезенную поклажу. Инкубатор понесли в специально выстроенный для этого домик.

Мы наскоро разместились и принялись разбирать вещи. Наконец все было разобрано, расставлено по местам. Я облегченно вздохнул. Кажется, можно пойти осмотреть остров. Но не тут-то было: Николаю не терпелось сейчас же попробовать инкубатор в действии — хорошо ли он нагревается и сохраняет тепло.

Испытание могло занять не менее двух часов. По правде сказать, оно меня мало интересовало, но было как-то неудобно отставать от своих, и я •скрепя сердце пошел вместе со всеми в инкубаторий.

На пороге меня остановила Наташа.

— А я хотела показать вам остров, — сказала она и, не дожидаясь моего согласия, крикнула: — Коля, мы пройдемся с Георгием Алексеевичем по острову! А когда ваш научный самовар закипит, вы нас чай пить зовите.

Я с облегчением вздохнул и от души поблагодарил Наташу за избавление.

Мы пошли по берегу, усеянному большими и мелкими камнями, вышли на длинную песчаную отмель. Еще издали оттуда неслись протяжные крики, похожие на стоны: «Ой, о-ой, о-ой!» Это кричали морские чайки. Уже начался отлив, и они хлопотали у самой воды, на обнажившемся дне: добывали себе пищу.

От берега мы свернули в глубь острова и сразу попали в густой еловый лес. Кругом возвышались старые, обросшие бородами лишайника ели. Ноги тонули в толстом, пушистом слое мха. Пахло смолой, моховым болотом, багульником. Ну совсем как в нашем лесу, где-нибудь на Клязьме, под Владимиром. И не верилось, что мы за тысячи километров, в далеком Заполярье.

Мы пошли дальше. Неожиданно деревья поредели, расступились, и перед нами засверкала вода.

— Что же это? Опять вышли к морю? — удивился я.

— Вот так море!

Но я уже сам видел: мы стояли на берегу тихого лесного озера. Откуда оно здесь? Ведь мы на острове, среди моря. И весь островок-то двух—трех километров в длину и в ширину. Я подошел и попробовал воду: совсем пресная, настоящая ключевая вода.

— Потому-то здесь лабораторию и построили, — сказала Наташа. — Вода рядом, и пресная и соленая, выбирай любую.

За гагачьими яйцами

Проба инкубатора удалась на славу: он отлично прогрелся и держал ровную температуру. На радостях мы все уселись закусывать, потому что за хлопотами не ели целый день.

Николай был очень оживлен.

— А что, товарищи, не поехать ли нам сегодня же за гагачьими яйцами для инкубатора? — предложил он.

Вот это мне было по душе: я ведь еще не видел ни гаг, ни их гнезд. Несмотря на усталость, я сразу же согласился. Все поддержали Колино предложение. Случайно я взглянул на часы:

— Куда же мы собираемся? Уже десять часов вечера, поздно.

Наташа и Рая посмотрели на меня и рассмеялись. Ах да, я ведь совсем и забыл, что ночи летом здесь вовсе нет! К этому сразу привыкнуть нелегко. Невольно по привычке делишь время на день и ночь. А как это хорошо, что ты не связан в своих действиях временем: можешь, если хочешь, работать двадцать четыре часа, а потом в любое время ложись на мягкий, душистый мох и спи.

Мы нагрузили бот ящиками, так что и самим почти негде было сесть.

• — Зачем же так много ящиков? — спросил я. — Ведь мы не за шишками в лес едем, а за гагачьими яйцами.

— А я думаю, как бы маловато не оказалось, — ответил Николай.

Мы тронулись в путь.

Ветер стих. Залив совсем замер: ни волнения, ни ряби. Северная ночь. Сколько я ни представлял себе ее по описаниям, и все-таки на самом деле она совсем иная. Да и вообще — какая же это ночь, если светит солнце, если не спят птицы! Белые чайки по-прежнему кружат над водой, протяжно стонут на отмелях. Длинноносые кулики-сороки с писком летают над лудами, садятся на огромные серые камни у самой воды и замирают, свесив свой длинный красноватый клюв. Птицы не спят. Им вовсе нет дела до того, что скоро полночь.

Над заливом, над скалистыми лудами, над всем краем по-прежнему тихо горит голубой северный день, такой же спокойный и ясный, как это море и небо над ним, как сам Север.

Я никогда не видел такой чистоты красок. Вон позади нас, далеко-далеко на горизонте, синее какая-то полоска. Что это, облачко или островок на море? Всматриваюсь... Да это же струйка дыма от нашего мотора расплылась и застыла в воздухе!

Впереди показывается лесистый остров. Гляжу и не могу понять, что это — мираж? Остров висит в воздухе, а под ним опрокинулся и так же повис в воздухе другой такой же остров. Нет, это не мираж, это море и небо настолько прозрачны, что совершенно слились в бесконечной голубизне.. Исчезла граница между землей и небом, больше нет ни воздуха, ни воды — есть только эта голубая, прозрачная даль и в ней сказочный воздушный остров с его двойными очертаниями скал и двувершинными соснами и елями.

Мы подплыли ближе. Вдруг нижняя, опрокинутая часть острова дрогнула, заколебалась и наконец вдребезги разбилась на голубые осколки. Легкие всплески волн от подходящего бота лизнули береговые камни. Дрогнула водная гладь и вмиг отделилась от неба — и остров, уже не висит в воздухе, а спокойно и величественно возвышается над водой.

Мы причалили к берегу и по мокрым, скользким камням перебрались на песчаную отмель.

— Вот теперь можно и за сбор яиц приниматься! — весело сказал Николай.

Но мне все еще было не ясно, зачем нужно выбирать яйца из гагачьих гнезд и класть их в инкубатор. Я спросил Колю, почему он думает, что инкубатор лучше выведет гагачат, чем это сделали бы сами гаги.

— А я вовсе этого и не думаю, — ответил он. • — Тут вот в чем дело: если у гаги выбрать из гнезда первую кладку яиц, она обычно откладывает вторую. Я и хочу попробовать от одной и той же птицы получить вместо одного два выводка. Первую кладку яиц мы заберем для инкубатора, а в это время гаги нанесут новые яйца и сами выведут гагачат. Если все удастся так, как я рассчитываю, мы сможем примерно вдвое увеличить количество птенцов. Для гагачьих хозяйств такой опыт может быть весьма полезен. Ведь эти ценные птицы очень истреблены.

— А кто же будет воспитывать наших гагачат?

• — Ну, за этим дело не станет — гаги отлично принимают к своему выводку чужих гагачат. Скоро сами увидите: где-нибудь в заливчике плабают вместе две — три мамы, а кругом них целый детский сад. Тут и большие и маленькие...

Вот теперь и мне стала вполне ясна наша задача. Я уже без-всякого угрызения совести смогу выбирать яйца из гагачьих гнезд. Вместо яиц мы ведь вернем гагам их же собственных пушистых птенцов.

А может быть, мы выведем их даже лучше, чем сами гаги. Ведь нам не помешают ни холод, ни снег, ни какие-нибудь другие капризы природы, от которых здесь гибнет немало выводков дикой птицы.

Мне казалось, что гагачьи яйца нужно искать на берегу, возле воды. Ведь гаги — это морские птицы, где им иначе и гнездиться!

Но мои спутники направились от берега прямо в лес. Я спросил Ивана Галактионовича, где же мы будем искать гагачьи гнезда.

— В лесу, — спокойно ответил он.

В старом ельнике мы разошлись в разные стороны.

Раздвигая ветки, я пробирался меж кустов. Сваленные полусгнившие стволы деревьев повсюду преграждали путь. А вот и полянка, густо поросшая брусничником.

На полянку вышел Иван Галактионович.

— А-а, ягодки! — сказал он, сгребая на ходу целую горсть переспелой красной брусники и отправляя ее в рот. • — Сладкие, томленные. Всю зиму под снегом томились.

Я смотрел и не верил глазам: кругом все было красно от прошлогодней брусники, и даже некому полакомиться этой благодатью.

— Иван Галактионович, а где же гагачьи гнезда?

Вдруг вместо ответа он поднял руку, поманил меня к себе и показал на старую свалившуюся ель.

Я осторожно подошел. Возле самого ствола среди мха и набросанных веток что-то пестрело. Я, как охотник, сразу подметил: что-то живое.

Подкрался ближе, присматриваюсь: под густыми ветками притаилась большая бурая утка. Она втянула шею и плотно прижала к спине голову. Сидит не шевельнется. Пройдешь рядом — и не заметишь. Только глазок, круглый и живой, внимательно следит за нашими движениями.

— Гага? — вопросительно прошептал я.

— Гага, — так же тихо ответил Иван Галактионович. — Ты к ней полегоньку отсюда подходи, а я с другой стороны.

И вот мы тихонько крадемся к добыче. Все ближе и ближе. Но почему же она не взлетает? Ведь она видит нас. Какая сила приковала к земле эту дикую птицу?

Мы уже совсем близко. От волнения у меня захватывает дух. Я протягиваю сквозь ветви руки. Вдруг — громкий треск, хлопанье крыльев. Невольно отскакиваю. Большая птица отчаянно мечется по земле, стараясь выбраться из-под ветвей, а за нею следом, без шапки, растопырив руки, гонится, спотыкаясь о ветки, Иван Галактионович:

— Попалась, теперь не уйдешь!

Иван Галактионович прижимает к груди пойманную гагу.

— Вот она! — торжествует он.

Лицо его изодрано, в крови, но сияет гордостью. Это первая наша добыча.

Подошел Николай, погладил пойманную птицу:

— Всю зиму вас, утюшки, не видал, соскучился!

Мы окольцевали гагу — надели ей на лапку, как браслет, легкое алюминиевое колечко с номером.

Иван Галактионович уже собрался отпустить пленницу на свободу, но я попросил подождать. Мне хотелось в память этой необыкновенной охоты сфотографировать Ивана Галактионовича с его добычей. Вот замечательный момент: Иван Галактионович немножко наклонился и смотрит на гагу, а та — на него, как будто разговаривают.

— Уть-уть-уть-уть... — нежно зовет Иван Галактионович, еще ниже склоняясь к гаге.

А она, совсем как ручная, тоже поднимает голову и тянется к нему. Навожу аппарат.

— Ай-ай-ай!

Гага хватает клювом за нос своего ловца.

Иван Галактионович вопит, трясет головой; гага машет крыльями. Я шелкнул затвором и запечатлел эту замечательную сценку.

Мы кое-как освободили из цепкого утиного клюва нос незадачливого охотника и посадили гагу на землю. Она огляделась, потом приподнялась на лапы и тяжело побежала, хлопая крыльями. Только отбежав на другой конец поляны, птица с шумом взлетела и понеслась туда, где между редкими стволами синел морской залив.

Я заглянул под ель. На земле, среди травы и мха, виднелось гнездо с пятью крупными зеленовато-серыми яйцами. Оно все было сделано из мягчайшего пуха. Я взял его пальцами. Вот этот замечательный пух — самый легкий, самый теплый на свете! Недаром он так высоко ценится, и не случайно одежда полярных исследователей, летчиков, мореплавателей — всех, кому приходится бороться с северной стужей, делается на гагачьем пуху.

Гагачий пух — изумительное произведение природы. Он окутывает тело птицы, не давая ей замерзнуть в мороз. Ведь гаги не улетают зимовать на юг, а только откочевывают в незамерзающие части моря, чтобы весной вновь вернуться на прежние места гнездовий. И тут инстинкт материнства заставляет птицу выщипывать клювом пух из собственной груди и выстилать им гнездо. Прежде чем покинуть его, чтобы покормиться на море, гага бережно укрывает свои яйца пухом. Теперь она может свободно оставить их даже на несколько часов — драгоценный пух сохранит яйцам тепло. Кроме того, пух еще и скроет их от глаз врага: на пестром фоне земли светлые яйца были бы очень заметны. В лесу их сразу бы па-

шли и расклевали главные враги гаг — вороны, а если гагачье гнездо свито на открытом берегу, яйцами полакомились бы чайки. Но укрытые бурным пухом яйца пернатым грабителям трудно разглядеть.

Люди раньше не только собирали гагачий пух в гнездах, но нередко убивали и самих гаг, чтобы ощипать их. И вот что любопытно: пух, выщипанный самой гагой для гнезда, и пух, ощипанный людьми с убитой птицы, отличаются по своим качествам: «живой» пух лучше, теплее «мертвого». Меня радует этот факт — торжество жизни над смертью. Да как же и может быть иначе: ведь гагачий пух предназначен самой природой для поддержания новой, нарождающейся жизни.

Мы выстлали отделения одного из ящичков гагачьим пухом и положили туда взятые нами яйца. Оставшийся в гнезде пух Николай тоже забрал.

— А зачем вы берете весь пух? — спросил я. — Ведь гага будет класть в это гнездо вторую кладку.

— Нет. Если мы у нее взяли яйца, она это гнездо бросит и сделает себе новое. Только в том пуха будет уже значительно меньше. По этому признаку можно отличить гнездо первой кладки от повторной.

— А хватит во втором гнезде пуха, чтобы согреть яйца?

— • Конечно, хватит.

Покончив с гнездом, мы отправились дальше. Только отошли шагов пять, гляжу — в кустах сидит вторая гага. Стал подкрадываться к ней, хотел один поймать. Вдруг у самых ног как затрещит, хлопает... Третья взлетела. Я чуть на нее не наступил. Вот ведь как затаилась! А за кустами снова шум • — еще одну поймали.

Где-то в лесу кричит Наташа — просит дать ей щипцы, чтобы окольцевать птицу. Они с Ириной тоже поймали гагу.

Теперь я и сам увидел, что мы скоро наполним яйцами все наши ящички. При желании можно было бы набрать яиц и во много раз больше — ведь мы только с самого края обшарили прибрежную часть леса. Гаг было так много, что отыскивание их гнезд потеряло для меня интерес.

Но мне было любопытно узнать, далеко ли от берега моря гаги устраивают свои гнезда.

Я направился по лесу в глубь острова и больше не ловил гаг и не собирал их яйца, а только отмечал сидящих на гнездах птиц. Последнее гнездо нашел примерно метрах в трехстах от берега; дальше гнезд не попадалось.

Вдруг из-под ног у меня с шумом взлетела большая птица. Блеснув на солнце иссиня-черным пером, она скрылась в кустах. Это петух, тетерев. Эх, ружье бы!.. Впрочем, здесь, в заповеднике, стрелять нельзя.

Кто-то, потрескивая валежником, шел мне навстречу. Я приостановился.

Из-за кустов показалась бурая спина коровы. Она, верно, паслась в лесу. Ветви раздвинулись; корова пробиралась сквозь кусты на полянку.

Но откуда же она здесь взялась? Ведь на этом острове никто не живет. Я замер.

Корова высунула из зеленых ветвей свою горбоносую, длинную, как у лошади, морду с большими ушами. Да ведь это лосиха! Возле нее из кустов выглядывал такой же лопоухий рыжий лосенок.

Я не шевелился, но лосиха уже заметила меня. Она вскинула голову, насторожилась. Секунда — и огромный зверь, сделав скачок, скрылся в кустах. Лосенок тоже исчез. По лесу слышался удаляющийся треск сучьев.

Все стихло. Я поспешил обратно к своим, чтобы рассказать о встрече.

Пленница

Мы возвращались домой с большим запасом яиц и рюкзаками, набитыми ценнейшим гагачьим пухом. Кроме того, на дне бота в корзине ехала наша пленница — живая дикая гага. Коля взял с собой одну из пойманных птиц, чтобы дома понаблюдать за нею.

— Знаете, Коля, —• сказал я, — вот смотрю на гагу и поверить не могу, что мы эту дикую птицу прямо руками поймали.

— Вам бы на Семь островов¹ поехать, — заметил Коля. — Вы на птичьих базарах никогда не бывали?

— Нет, не бывал.

— Эх-х вы, путешественник! — улыбнулась Наташа. — Знаете, я там кайр прямо на удочку ловила.

— Смейтесь, смейтесь надо мною! — ответил я.

— Да она вовсе не смеется, — возразил Коля. — Правда, мы там птиц на удочку ловили. Представьте себе огромные отвесные скалы над морем. Все выступы скал, все углубления сплошь заняты птицами, большей частью кайрами. Сидят друг возле друга, плечо к плечу. У каждой тут же на выступе, на голом камне положено одно яйцо, и каждая свое яйцо насиживает.

— Как же у них яйца держатся на голом камне, без гнезда, и не скатываются в море?

— А у них яйца совсем особой формы — вроде конуса. Толкнешь такое яйцо, оно почти не катится, а вертится на месте. А если яйцо покати-лось по утесу, все соседние птицы сейчас же вытянут шеи и стараются клювом его задержать. Конечно, бывают случаи, что яйца падают и разбиваются, только не так уж часто. Сами кайры тоже очень занятные птицы, прямо на открытых скалах сидят. Спустишься к ним по веревке, они все глядят на тебя, а не улетают. Вот мы и придумали, как их ловить для кольцевания: берем удилище, привязываем на конце петлю, как для сил-ка, накидываем ее на шею кайре и тащим к себе. Так на удочку и ловим. Сколько угодно наловить можно.

— Подумайте, ведь это же целое птичье хозяйство!

— Да еще какое хозяйство! Оно не требует для содержания ни средств, ни ухода, только нужно бережно его использовать. Можно каж-дый год без всякого ущерба для гнездовья собирать тысячи чудесных яиц.

— И вкусные у них яйца?

— Очень вкусные, не хуже куриных, а размером раза в два крупнее. Птичьи базары — это прямо золотое дно. — Коля кивнул головой в сто-рону ящиков с гагачьими яйцами и весело добавил: — Нужно и нам пото-рапливаться гаг разводить; попробуем-ка помочь природе.

¹ Семь островов — заповедник в Баренцевом море, недалеко от Мур-манска.

Нашу пленницу мы поместили в пустую комнату. Гага оказалась очень спокойной. Она не билась, не металась по комнате, а, оглядевшись, побежала в дальний угол и уселась там.

Мы оставили гагу в комнате и отправились в инкубаторий. Разложили в инкубаторе привезенные яйца, чтобы они не переохладились и не испортились.

Когда мы часа через два вернулись к гаге, она уже сидела в другом углу. Коля хотел взять ее, чтобы отнести в сарайчик, но едва приблизился, как она, не вставая с места, вытянула шею и угрожающе зашипела. Помня, как гага проучила Ивана Галактионовича, Коля не без опаски вытащил птицу из ее угла. И тут все мы так и ахнули от изумления: под гагой на полу лежал аккуратно собранный в кучку картофель. Вероятно, оставив свой угол, гага обследовала комнату и наткнулась на разбросанный по полу картофель. Птица подгрела его под себя и уселась на кем. как на яйцах. Инстинкт насиживания победил страх перед необычной обстановкой.

Тут Коле пришла интересная мысль: «А нельзя ли использовать этот инстинкт и заставить гагу у нас, в неволе, высидеть гагачат?»

Сейчас же в уголке сарая, куда решили поместить гагу, мы "устроили из привезенного пуха гнездо, положили в него гагачьи яйца и замаскировали еловыми ветками, а на землю набросали свежего мха.

Сквозь щели в стенах и крыше сарая пробивались солнечные лучи и желтыми полосами ложились на землю. Крепко пахло смолой и свежей хвоей, совсем как в лесу.

Посреди сарая мы поставили на полу широкий противень с морской водой и пустили туда мелких ракушек — обычный корм гаги.

Когда все было готово, мы принесли в сарайчик гагу. Она сейчас же забилась в самый дальний угол. Мы затворили дверь и оставили гагу и покое.

Очень интересно, найдет ли она гнездо с яйцами и сядет ли на них, или в этой необычной обстановке инстинкт насиживания у нее уже угас и она только случайно села в комнате на кучку картофеля.

Я еще раз вернулся и заглянул в щелку сарая. Гага по-прежнему сидела в том же углу, вдали от гнезда.

«Нет, все это ерунда, — подумал я. — Конечно, никаких яиц дикая, только что пойманная птица в неволе насиживать не будет». И я отправился домой.

Наконец-то кончены все дела этого бесконечного дня. Можно лечь и (аснуть). Но сколько же теперь может быть времени? Я огляделся. Все так •ке светило солнце, плескалось море и стонали на отмелях чайки.

Что же сейчас — ночь или уже настал следующий день? Э; да не все in равно!

Вон летит большая белая птица; наверно, она не считается со временем, а когда устанет, сядет на прибрежный камень, отдохнет — и снова в путь. Нечего и нам обращать внимание на время. Поспим часок-другой, ца и опять за дело...

На следующий день я прежде всего отправился посмотреть на гагу — на гнезде она или нет. Даже сердце у меня замерло, когда я заглянул в щелку. Сразу, со света, в сарае казалось совсем темно, ничего не разберешь. Но постепенно глаза привыкли. Вот, вижу, посреди сарая противень; вокруг него вся земля мокрая и валяются ракушки — значит, гага пылезала из своего угла и плескалась тут, наверно, пила, а может быть, и ела корм. Но где же она сама? Я взгляделся в дальний угол, где вчера сидела гага, — никого нет.

Осторожно отворил дверь и вошел в сарайчик.

В другом углу, там, где были набросаны сосновые ветки, что-то темнело. Да это же гага притаилась на гнезде! Сидит неподвижно, втянув голову, и наблюдает за мною.

На общем совете за чаем решили гагу сегодня не трогать, не ходить к ней в сарай. А когда она немного привыкнет к новой обстановке, переместить ей в противне воду и корм.

Раннее утро

Вот уже три дня, как я после утомительной городской сутолоки наслаждаюсь каким-то поистине первобытным покоем.

Кругом зеленоватый водный простор, скалистые острова, поросшие мохом, сосной да елью, а над ними прозрачное, как первый осенний лед, северное небо. Шепчутся ели, возится и ворчит море. Чайки охают и стонут на песчаных отмелях. Трудно поверить, что где-то есть города, асфальтированные улицы, автомобили, трамваи, что где-то бывает темная ночь, когда в домах и на улицах зажигается электричество. А здесь оно ни к чему — день и ночь светит солнце, не такое, как на юге, палящее, знойное,

а какое бывает в ясный сентябрьский день где-нибудь под Москвой. И все здесь кругом как-то удивительно напоминало нашу раннюю погожую осень.

Мы походили на путешественников, попавших на необитаемый остров. Правда, мы жили не в палатках, а в доме, но он еще более подходил к общей обстановке. Палатка — это что-то походное, что-то немного от того же города, от туризма. А наш дом — настоящая лесная хижина. Он только что был отстроен из свежих еловых бревен и вместо пакли проконопачен мохом. Внутри дома некоторые бревна были даже не совсем обструганы, и на них еще виднелись остатки коры и веточки с завядшей хвоей. Везде по стенам проступали прозрачные смоляные слезы, и от этого в доме пахло совсем как в бору.

Из трещин порой выползали солидные жуки-дровосеки. Они медленно ползали по стенам, поводя огромными усищами, как бы недоумевая, куда они попали.

Дом был разгорожен дощатыми перегородками на три помещения. В первом у окна стояли большой свежеструганный стол и кровать. Это мое пристанище. Рядом за перегородкой поместилась Ирина. В третьей комнате — Наташа с Николаем. Рая устроилась отдельно, в инкубатории. Она заявила, что это ее гнездо; наседка не может его оставить, пока не выведутся дети. А их у Раи было больше двухсот штук. Можно с уверенностью сказать, что ни у одной наседки в мире еще не было такого многочисленного потомства.

Мы жили настоящей коммуной: вместе работали и вместе вели наше несложное хозяйство. Горожанам, живущим в огромных каменных домах с водопроводом, электричеством и газом, неизвестны труды, невзгоды и радости такой привольной жизни.

По утрам, пока наши хозяйки еще не встали, мы с Колей отправлялись к морю мыться. Это совсем не так просто, как отвернуть кран умывальника или налить в таз воды. Прежде всего мы разыскивали среди огромных прибрежных камней тихий заливчик, в котором в этот день не было волны и вода сверху немного нагрелась солнцем; мы быстро раздевались и клали одежду на согретые камни. Наступал самый решительный момент: ухитриться войти в ледяную воду так, чтобы не взбаламутить ее верхний, теплый слой. Мы забирались по колено. Ноги нестерпимо ломило. Зато как чудесно мыться, осторожно зачерпывая в ладони чуть подогретую солнцем воду! Вымылись. Теперь — раз, два, три! — мы ря-

юм окунались в «ледяной кипяток» и, как ошпаренные, выскакивали на Зерег. После такой ванны на солнышке казалось очень тепло. Но греться было некогда, приходилось скорее одеваться и браться за дела.

Иван Галактионович притаскивал целую корзину только что наловленной трески. Хозяйки начинали ее чистить, а на нашей обязанности лежали колка дров и разведение костра. Колоть дрова — совсем не легкое дело, если перед тобой чурбачок толщиной в полметра. Сперва нужно изучить его анатомию, рассмотреть, как в нем расположены сучки, чтобы колоть вдоль, а не поперек их. Правильно наметить удар — это уже полдела. Сам удар должен быть коротким и точным, как выстрел. В этом искусстве мы ежедневно соревновались с Николаем. Часто попадались кряжистые «старички», которые никак не хотели сдаваться. На их желтом срезе — «на лысине», как мы называли в шутку, — ясно виднелись годовичные кольца древесины. По этим кольцам легко можно было сосчитать, что такой «дедушка» прожил уже не одну сотню лет.

Мы с Колей выбивались из сил: колун отскакивал от векового дерева, как от железа. Частенько в эти трудные минуты появлялся Иван Галактионович. Он покуривал, хитро прищурившись, смотрел на нашу работу, потом не выдерживал:

— А ну-ка, дай сюда, я разок!..

Он брал колун, нацеливался, как ястреб на цыпленка, потом вдруг подскакивал и с каким-то выдохом — «хэх!» — обрушивался на полено. Раздавался сухой, короткий удар, и полуметровый кругляк разламывался пополам, открывая, как чудовище свою пасть, розоватую влажную сердцевину.

Дрова наколоты. Мы сносили их на скалистый берег, к дому. Там у нас был устроен очаг из серых гранитных глыб. Наверно, такие же очаги делали первобытные люди. Возле очага две очередные «стряпухи» чистили свежую треску.

Огонь разведен. Оставалось последнее дело — принести воду. Конечно, морская вода для питья не годится, она горько-соленая, зато озеро с пресной водой рядом, до него каких-нибудь сто — двести метров. Кажется, чего проще — сходил и принес воду, но на самом деле это было не так просто.

С пустыми ведрами идти одно удовольствие: идешь леском по извилистой, глубоко протоптанной во мху тропинке. Вот и озеро. Оно всегда тихое, укрыто со всех сторон вековым лесом. Столетние ели склонились

к самой воде. Заберешься по шатким мосткам подальше от берега и зачерпнешь в ведра чистую, холодную, как лед, воду. Но тут-то и начиналось самое сложное. Тропинка больше чем на полметра утопает во мху, ведра все время приходится держать на полусогнутых руках, а главное, на каждом шагу во мху скрываются камни. Или споткнешься, или ведром зацепишь — и все труды пропали даром. Вода разольется, да к тому же и окатит тебя. Иной раз такое несчастье случалось у самого дома.

Жена Ивана Галактионовича, правда, показала нам очень простой способ избавиться от мучений — носить ведра на коромысле, но к этому искусству ни я, ни Николай оказались совсем неспособны.

Наконец все утренние труды по хозяйству закончены и мы рассаживаемся на берегу вокруг очага.

Весело потрескивает еловое смолье, откуда-то тянет ветерок, примешивая к дымку костра запах леса и моря. Треска на огромной сковороде шипит и жарится в собственном соку.

Треску, соленую, копченую и вяленую, в огромном количестве развозят по всему свету. Она считается одной из дешевых и невкусных рыб. Но только что пойманная, совсем свежая треска, как говорят, «с морской подливкой», да еще поджаренная на костре тут же, на берегу моря, ни с чем не сравнима.

После завтрака каждый из нас наливает себе из закопченного на костре чайника по кружке крепкого чая. В нем обычно плавают обугленные веточки от костра. Может, именно от них-то этот чай и **кажется** особенно вкусным.

Хорошо в ранний утренний час сидеть на берегу моря, глядеть в прозрачную голубую даль, слушать ленивый шорох волны...

Но вот кто-нибудь смотрит на карманные часы и говорит:

— Ого, товарищи, уже шесть часов! В Москве сейчас отходит первый поезд метро, пора и нам за работу.

Наша работа

С утра мы принимались за дела. Рая направлялась в свое «гнездо» — в инкубаторий. Ей приходилось наблюдать за тем, чтобы в инкубаторе держалась нужная температура и влажность. **Время от времени** Рая вынимала из инкубатора на пробу несколько яиц и просматри-

вала на свет, как в них идет развитие зародыша. Для этого она привезла из Ленинграда особый приборчик с электрическими лампочками и батарейками.

Я тоже как-то вместе с нею просматривал яйца. Они уже не были прозрачны. Больше половины яйца занимал зародыш. Когда он начал шевелиться в яйце, мы радовались: «Зародыш жив!»

Но лабораторной работой я мало интересовался — меня тянуло в лес, к морю, к диким, свободным птицам. Мне хотелось наблюдать нравы и повадки птиц именно там, где они зародились и развивались в течение миллионов лет.

Я шел на берег моря и обычно встречал Наташу. С сачком и ведром она возилась на отмели. Часто Наташа проводила здесь целые дни, изучая жизнь рачков и моллюсков.

Ирину я почти не видел. Она появлялась у нас на несколько часов, забирала провизию, садилась в лодку и уплывала на соседние острова. Там она обследовала растительность и собирала гербарий.

Николай, Иван Галактионович и я образовали «мужской союз»: вместе хозяйничали, кололи дрова, носили воду и вместе вели работу по изучению жизни и повадок разных птиц. Мы лазили по скалам, бродили по лесу, по отмелям, отыскивая птичьи гнезда, изучали пернатое население наших островов: в каких условиях кто из птиц гнездится, сколько откладывает яиц и как высиживает.

Когда мы подплывали к пологим песчаным островам, с них срывались сотни птиц и с писком и криком неслись нам навстречу. Птицы кружили над головами, образуя в воздухе живой, трепещущий смерч.

Мы разыскивали гнезда чаек, крачек и куликов. Собственно говоря, их и гнездами назвать нельзя. Одни из них представляли собой несколько небрежно свитых стебельков засохшей травы, а другие — просто углубления в прибрежном песке или гальке, и в них три — четыре пестреньких яйца, совсем как окружающие камешки.

Нередко на открытом берегу моря мы находили и гнезда гаг.

— Глянь-ка, как ловко устроила, и не разглядишь! — обычно говорил Иван Галактионович.

На земле темнела кучка дымчато-серого пуха — гнездо гаги.

Значит, сама гага улетела кормиться на море. Она теперь ныряет где-нибудь в тихом заливишке, обирая своим мощным клювом моллюсков с подводных камней.

О яйцах гага может не беспокоиться: они лежат в полной безопасности, укрытые от холода и от глаз врага ее замечательным пухом.

Интересно, что, укрыв пухом яйца, гага обычно сразу не слетает с гнезда. Она сперва осторожно крадется меж кустов и камней подалее от гнезда; отойдет метров на пятнадцать — двадцать и только тогда взлетает и летит на море. Бросится чайка или ворона к тому месту, откуда вылетела гага, а гнезда там вовсе и нет. Поди-ка отыщи его!

Удивительно тонко выработались инстинкты и повадки птиц в вековой борьбе за существование. Чайки, например, или крачки при приближении опасности никогда не остаются на гнездах; они носятся в воздухе, яростно нападая на врага и стараясь прогнать его. Если бы эти птицы остались на гнездах, они сразу бы выдали их местоположение своим белым, приметным оперением. Яйца чаек, куликов и крачек спасает от глаз врага покровительственная окраска. А вот у гаги яйца светлые, их легко было бы заметить. Зато сама гага, сидящая на гнезде, почти незаметна. Увидев врага, гага до последней возможности не слетает с гнезда.

Кажется, какая сообразительность, какое разумное использование окружающей обстановки! На самом же деле это не разум, а только инстинкт. Птицы вовсе и не понимают целесообразности своих повадок. Мы не раз ставили опыты, заменяя в птичьих гнездах яйца округлыми камешками и даже картофелинами, — птицы так же усердно насиживали их и яростно защищали от врагов.

Мы записывали в полевую книжку каждое найденное гнездо и возле каждого из них втыкали колышек с номером. Гнездо взято на учет. Теперь мы должны следить, как пойдет насиживание, когда выведутся птенцы. Ведь острова заповедника — это наше птичье хозяйство.

Конечно, самой ценной птицей в нем была гага. Мы всячески оберегали ее и боролись с врагами гаг — воронами и большими чайками: разоряли их гнезда, а где возможно, стреляли этих птиц.

В тех местах, где острова были слишком голыми и гага не могла найти для своего гнезда подходящего укрытия, мы устраивали из камней небольшие ниши. В некоторых из них уже поселились гаги, очевидно, с повторной кладкой яиц.

К этим гагам мы невольно чувствовали особенную симпатию и даже благодарность за то, что они оценили наши труды. Это уже были «паши» гаги.

— А пожалуй, года через два — три все отмели будут в таких «донках», — сказал однажды Николай. — Представьте, на каждой отмели Уый гагачий городок!

— Только нужно побольше домов им настроить, — поддержал его вам Галактионович.

И мы с еще большим рвением принялись за постройку новых гагачьих жилищ.

Однажды на самом берегу я наткнулся на странное сооружение из Зломков гранитных плит, вроде небольшой крепости, даже окошечки-щипцы были устроены, некоторые из них почему-то у самой земли, а окошечки были обращены в сторону моря.

— Что это за строение? — спросил я у подошедшего Ивана Галактионовича.

— А это скрадок раньше был.

— Какой скрадок?

— Чтобы гагу бить. До революции, когда еще заповедника здесь не было, охотники в таких скрадках и караулили. Ох, и много же гаги раньше тут было, тучи целые!

— А куда же она потом девалась?

— Как — куда? Выбили, да и поразогнали всю. Как понаедут охотники — и палят, и яйца собирают, и прямо с собаками на гнездах гагу овят... Чуть не извели совсем. Теперь она опять разводиться стала.

Я подошел ближе, чтобы осмотреть охотничий скрадок.

Внутри него на земле что-то пестрело. Да ведь это же гага на гнезде! Вот так картина: заброшенный охотничий скрадок — и прямо в нем гага-гнездо! Раньше из-за этих камней постоянно гремели выстрелы, птицы близко опасались подлетать к ним. А теперь скоро здесь выведутся пушстые шустрые гагачата, вылезут из гнезда и побегут вслед за матерью ерез старые бойницы, как через ворота, на волю, к широкому морскому аливу.

Бычки

Как-то вечером я сидел дома и писал.

— Лексеич, едем со мной рыбу ловить! — окликнул меня Иван Галактионович, проходя мимо окна с лопатой и банкой для червей.

Я накинул куртку и вышел. Мы отправились за червями.

— Постой, Иван Галактионович: где ж мы их рыть-то будем? — дивился я, когда увидел, что мой спутник идет по отмели прямо морю.

— А вот здесь и пороем.

Был час отлива. Мы пошли по обнажившемуся дну.

— Тут надо копать, — указал мне Иван Галактионович на кучки зрытого песка. — Это морской червь, такой нам и нужен.

Иван Галактионович копнул лопатой раз, другой и вместе с песком галькой выковырнул огромного червя. Я положил его в банку. Иван ГАЛАКТИОНОВИЧ выкопал второго, третьего...

— Ну-ка, дай я покопаю, — попросил я лопату.

— Копай, копай, а я покурю пока.

Я нашел свежую- кучку песка и попробовал копнуть. Э, да это совсем ; так просто! Лопата упиралась в гальку и никак не входила. Насилу я ; воткнул и выкинул большой ком песка. Но червя там не оказалось, продолжал рыть, выкопал целую яму — и все без результата.

Иван Галактионович, лукаво улыбаясь, покуривал и следил за моей лботой.

—* Ну, будет здесь, рой в другом месте, а то все дно насквозь пророль, — добродушно пошутил он.

Я принялся копать возле следующей кучки песка. Опять сначала никак не мог воткнуть лопату, и опять ничего не выкопал.

— Куда ж они деваются? — удивился я.

Иван Галактионович докурил, сплюнул, взял у меня лопату:

— Гляди, учись.

Он копнул раз, два и сразу выбросил большого червяка.

— Вот как у нас! — подмигнул он и деловито добавил: — Ты лопатой льку не толки, а поддевай ее — враз и выроешь. А то, пока ты шебурльшь по гальке-то, он учует — и наутек. В песке-то он ходкий, даром что з ног.

Я опять хотел взять лопату и попробовать, но Иван Галактионович дал:

— После, на свободе, займись, а теперь за рыбой ехать надо.

Он накопал целую банку морских червей, и мы отправились к боту, швязали на веревку большой камень, взяли его с собой и отплыли мет- в сто от берега.

— Вываливай, — скомандовал Иван Галактиооивич.

Я осторожно опустил за борт тяжелый камень. Он пошел на дно, увлекая за собой веревку. Другой ее конец мы привязали к боту, и он закачался на одном месте.

— Вот теперь мы на якоре, — сказал Иван Галактионович.

Он достал из-под сиденья два мотка бечевы, аккуратно намотанной на дощечки. Один моток передал мне. На конце бечевы вместо грузила была привязана небольшая гирилка, а сбоку на поводке — огромный крючок. Мы насадили куски червей и опустили свои нехитрые снасти в воду. Конец веревки я держал в руке, ожидая, когда клюнет рыба.

Не прошло и минуты, как кто-то со дна дернул за веревку. Я подсек и, замирая от волнения, стал выбирать снасть. Вот из глубины показалось что-то темное — значит, попалась, не ушла. Я вытащил из воды добычу. На крючке прыгала и билась небольшая, на редкость безобразная рыба с огромной, усаженной шипами головой. По бокам рыбы, как крылья бабочки, торпорщились два широких пестрых плавника. Небольшое тело ее было покрыто светлыми пятнышками. Я сразу узнал, что это бычок.

«Ну, для начала недурно», — подумал я, снимая с крючка рыбу и бросая ее на дно лодки. Почти сейчас же я поймал второго, третьего бычка. Потом я вытащил небольшую, величиной с ладонь, камбалу. Я с любопытством рассматривал эту замечательную, круглую и плоскую, как лепешка, рыбу. Верхняя, темная сторона ее очень подходит под цвет бурых подводных камней. Здесь помещаются оба глаза. Нижняя сторона рыбы почти белая. Рот у камбалы маленький и кривой. Вот уж страшилище!

Я бросил на дно лодки и эту добычу и не без тайного торжества взглянул на Ивана Галактионовича, который с мрачным видом сидел на другом конце лодки и не поймал еще ни одной рыбы. Я чувствовал свое явное превосходство в рыболовном искусстве.

Иван Галактионович мельком взглянул на меня и проговорил:

— Неправильно снасть держишь. Ты ее на дно кладешь, а надо, как стукнет груз, малость приподнять и держать на весу, а то так никогда ничего не поймаешь.

— Как не поймаю? Да я уж четыре штуки поймал!

Иван Галактионович презрительно усмехнулся:

— Да разве это рыба?

— А что же?

— Так, лабуда. Она по дну ползает, вот и цепляется. Ты повыше снасть подымай, — еще раз сказал он. — Держи на весу, а то насадку только зря тратишь.

Вся моя рыбацкая гордость мигом слетела. Выходит, мой улов даже не стоит тех червей, которые я на него трачу. Я был задет за живое.

Вскоре Иван Галактионович подсек и стал быстро выбирать снасть. Мне очень хотелось, чтобы и он вытащил такую же «лабуду», — вот тогда узнает, как других учить! Но в этот миг Иван Галактионович выбросил в лодку довольно крупную рыбу.

— Почин есть! — весело сказал он, этим как бы еще раз подчеркивая, что моя рыба в счет не идет. — Теперь, значит, стайка подошла, будет брать. Треска всегда стаями ходит.

И действительно, мы начали таскать рыбу за рыбой. Глядя на этих крупных, мясистых рыб, лежащих в боте рядом с моими нелепыми уродцами, я должен был поневоле согласиться, что, с точки зрения настоящего рыбака, на них и в самом-то деле червей тратить не стоило.

Но я все-таки не сдавался и спросил:

— А разве у вас бычков не едят? У нас в Москве их, маринованных, в банках продают.

Иван Галактионович удивленно взглянул на меня:

— Да что ж ты в них есть-то будешь? Голову или хвост? Мяса-то, почитай, никакого нет.

•— А камбалу?

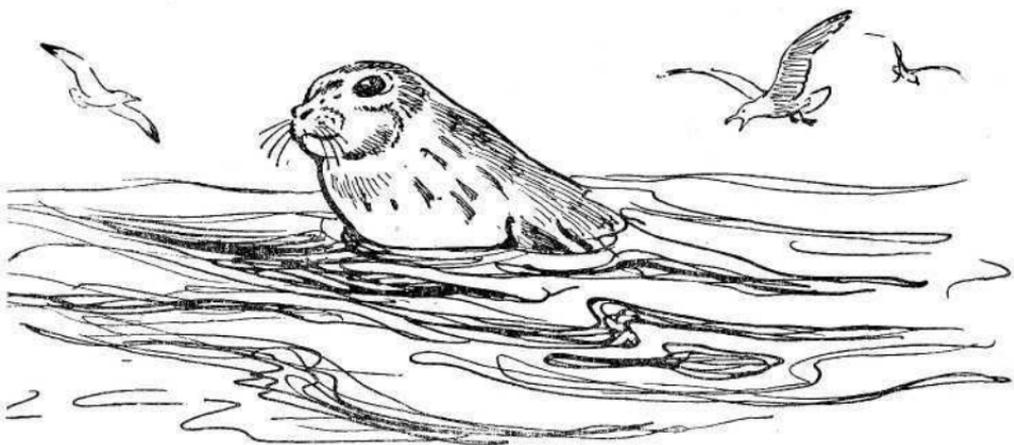
— Камбалу мы едим, только не такую мелюзгу, — он презрительно кивнул головой на мою добычу. — Камбала должна быть во какая, с блюдом хорошее, — это камбала! Мы ее острой колем. Знаешь, что такое острога? Шест, а на конце вроде как вилы с зазубринами. Вот едешь по отмели и глядишь. Она, как блин, на дне лежит. Сама под цвет дна, сразу и не заметишь, а как приметил, нацелишься острой, цоп — ив лодку.

Пришлось еще раз признать, что и камбала моя за рыбу тоже в счет не пойдет.

Треска брать перестала — очевидно, стайка отошла. Но мы продолжали сидеть тихо в ожидании, когда подойдет новая.

Вдруг невдалеке от лодки из-под волны вынырнула чья-то большая темная голова.

Я вздрогнул и не успел еще сообразить, в чем дело, как голова фыркнула и скрылась под водой.

— Ишь, нерпа играет, — недовольно проговорил Иван Галактионоич. — Всю треску теперь разгонит.

Нерпа вновь вынырнула, но уже поодаль.

— Ушла, — сказал мой товарищ. — А то иной раз начнет нырять ругом лодки, рыбу распугает. Тогда снимай с якоря и переезжай на новое место.

— А можно ее из ружья убить?

— Осенью можно, а теперь нельзя.

— Что ж, запрещается летом бить?

— Не в том дело, — ответил Иван Галактионович. — Летом хоть и бьешь, враз утонет. Летом нерпа тощая, вода ее не держит. А к осени на жир нагоняет. Если убьешь — как поплавок, на воде будет держаться.

Мы посидели еще немного, но рыба не брала. Подул холодный ветер, залив заволновался. Наш бот начинало сильно покачивать.

— Теперь толку не будет, надо ко двору подаваться, — проворчал Иван Галактионович.

Мы поплыли домой.

— Ну, как дела? — закричала, выбегая на берег, Наташа. — Я и корзину для рыбы принесла.

— Плохи дела, — ответил Иван Галактионович.

— • Как • — плохи? — удивился я.

Мы начали выкладывать из лодки в корзину треску. Ее оказалось тридцать две штуки. Тридцать две крупные рыбы за какие-нибудь пол-

тора — два часа ловли! И это называется плохо! Я живо представил себе нашу подмосковную речку, какую-нибудь Клязьму или Протву. Ведь если бы оттуда рыболовы-удильщики привезли такую добычу, их подвиг был бы записан в рыболовные летописи. А тут о таком улове просто говорят: «плохи дела». И я с невольным уважением посмотрел на морской залив.

Ветер дул все сильнее. Масса воды потемнела, и где-то далеко от берега уже играли белые барашки.

— • Вот вы наш залив ни во что считаете, — обратилась ко мне Наташа. — Не хотите ли сейчас покататься на лодочке?.. А это кто же наловил? — вдруг расхохоталась она.

Я обернулся к лодке в ту самую минуту, когда Иван Галактионович с деловым видом выкидывал в море моих бычков.

Мы пришли домой обедать.

Я никак не мог помириться с тем, что мой товарищ по рыбалке не одобрил наш замечательный улов.

• — Иван Галактионович, а сколько же нужно наловить рыбы, чтобы ты был доволен? — спросил я.

• — Полну лодку, — ответил он, уплетая кашу и весело улыбаясь. — Вот это было бы дело. А то что ж это за ловля — еле-еле одну корзину наловили! Да и вообще, разве здесь ловля? — Он пренебрежительно взглянул на корзину с треской. — Разве это рыба?

— А что же, по-твоему?

— Так, мелюзга, подсолнухи. — Иван Галактионович отодвинул пустую тарелку и вздохнул. — Вот, Лексеич, под Мурманском это треска, это ловля! Не то что здешняя.

— Что ж, там треска прямо без насадки, на голый крючок попадается? — засмеялся я.

— Именно на голый крючок, — совершенно серьезно ответил Иван Галактионович.

— То есть, как?

— А очень просто. На поддѐв там ловят. Выедешь вот так же в море иловишь на голую снасть, совсем без наживки. Снасть такая же, как здесь, только крючок побольше. Опустить его в воду, а сам сидишь на боте и подергиваешь веревку, засекаешь рыбу. Как стая трески подошла, обязательно засечешь какую за бок, какую за живот, а то и за хвост. Засек — и тащи в лодку. А треска-то в полстола, не меньше, отборная,

вся одна к одной. Как на стаю попал, за час полну лодку натаскаешь. Вот это ловля! А здесь что? Только одно времяпровождение.

Иван Галактионович с досадой махнул рукой, взял корзину и пошел на берег чистить рыбу.

Инстинкт материнства

Пойманная нами гага продолжала упорно сидеть на гнезде.

По утрам вода у нее в противне бывала расплескана, корм съеден. Значит, гага в наше отсутствие выходила из своего угла, кормилась и вновь возвращалась на гнездо. Но что же все это значит? Насиживает она яйца или просто прячется в угол, за ветки, и сидит там на гнезде только потому, что больше нигде сесть? Признаюсь, я скорее допускал последнее. Как же это проверить?

И вот однажды все сразу объяснилось. Я вошел в сарай в то самое время, когда гага кормилась в противне.

Птица испугалась и бросилась прочь — не на гнездо, а в дальний угол. Я подошел к гнезду и остановился в радостном изумлении. Все яйца были закрыты пухом. Значит, гага бережно укрывала их, так же как она делает это на воле. Теперь я мог убедиться, что гага не случайно сидела в углу на гнезде, а насиживала в нем яйца.

«Как это чудесно! — подумал я. — Наверно, у нас выведутся свои гагачата, и не в шкафу с металлическими подогретыми трубочками, а прямо под настоящей, живой гагой».

Я поспешил к нашим сообщить о своем открытии. Коля бросил работу, и мы помчались с ним обратно к сарайчику, чтобы успеть посмотреть на гнездо, пока гага на него не села.

Подбежали и ахнули: дверь в сарайчик распахнута. Значит, впопыхах я оставил ее открытой. «Все пропало! Вот тебе и гагачата!»

Коля старался меня утешить:

— Ничего, не огорчайтесь, поймаем другую...

При этих словах он взглянул в угол, да так и не договорил: гага преспокойно сидела под ветками на своем гнезде. Она смотрела в раскрытую дверь, за которой виднелся освещенный солнцем морской простор, она видела его и не двигалась с места.

Мы осторожно отошли. Коля хотел запереть дверь на задвижку.

— А может, и запирать не стоит? — заметил я.

— А ну-ка улетит, — сказал Коля, — или кто-нибудь к ней заберется? Запереть-то надежнее.

Мы закрыли дверь и ушли.

— Удивительная вещь — материнство... — в раздумье проговорил Коля. — Вы знаете, какой раз был случай на Семи островах? Нашли мы тоже гагу на гнезде, да заметили ее, когда чуть ногой не наступили. А она и не летит. Посмотрели, не мертвая ли. Только дотронулись, она цап за палец! Шипит, клюв раскрывает, а сама ни с места. Может, большая, думаем, какая? Взяли ее в руки, осмотрели — ничего не заметно. Только отпустили, она бегом к гнезду и опять уселась. Вот ведь, и людей не боится!

И мне тоже вспомнился один интересный случай. Как-то в начале лета пошел я в лес со своим Джеком. Вдруг мой пес стал возле куста на стойку. Я скомандовал: «Вперед!» Джек бросился в кусты, но оттуда никто не вылетел, а только послышался какой-то странный писк. «Что такое?» Я полез в кусты и вижу: стоит Джек возле кучки прошлогодних листьев и нюхает что-то, а вокруг него бегают, пищат и норовят укусить его за морду большой старый еж. Признаться, я глазам своим не поверил: первый раз в жизни видел, чтобы еж на собаку нападал да еще кричал при этом. Я заглянул в развороченные листья и сразу все понял: там копошились три крохотных новорожденных ежонка. Это мать-ежиха защищала своих детей...

Я оставил Колю и отправился бродить по берегу, думая о том, как разнообразно проявляется в природе забота о потомстве.

Вон белые чайки хлопчут на дальних отмелях. Там среди песка и гальки у них устроены гнезда, и в каждом гнезде положено по три пестрых яйца. Три — четыре недели подряд, и днем и ночью и в дождь и в ветер, эти птицы упорно сидят на гнездах, высиживая птенцов. А потом начинается еще более трудная и хлопотливая пора — выкармливание детворы. И так год за годом, век за веком.

Миллионы лет потребовались на то, чтобы у животных выработались эти изумительные инстинкты. А каковы они были у какого-нибудь прародителя современных птиц? И во что они превратятся еще через миллионы лет?..

Вдруг кто-то хлопнул меня по плечу. Я даже вздрогнул от неожиданности, обернулся.

Передо мной с лопатой на плече стоял Иван Галактионович.

— Ты что, Лексеич, пригорюнился?

— Да ничего. Вот смотрю и думаю, что здесь будет через миллион лет.

— Через миллион-то? Эх, куда хватил! — удивился Иван Галактионович. Он немного подумал и уверенно ответил: — Да что, милок, будет? Все то же, что и теперь: море, да берег, да чайки... А ты чего об этом тревожишься?

— • Я не тревожусь, а так, интересно бы знать.

• — Конечно, интересно, — согласился Иван Галактионович. — • Только ведь, пожалуй, сколько ни думай, не угадаешь. А ты лучше идем-ка со мной червя копать. А то вот о таких делах беспокоишься, а червя вырыть никак не можешь. Только лопатой шебуршишь.

— Это верно, —> согласился я, и мы отправились на отмель.

Таинственный грабитель

Однажды утром после чая мы с Николаем решили поехать на соседний остров, как следует его облазить и провести учет гагачьих гнезд.

Усевшись в бот, отгребли от берега и поставили парус.

Свежий морской ветер ударил в холст, надул его, и бот, покачиваясь, легко побежал по волнам.

— Вот теперь и грести не надо! — весело сказал Коля, вынимая кигет, трубку и закуривая. — Ну что, Георгий Алексеевич, не жалеете, что к нам сюда приехали?

— • Что вы! Конечно, не жалею.

— А как здесь осенью хорошо, когда листья вянут! Горы все разноцветные: желтые, зеленые, красные... А небо и море совсем синие...

Я невольно улыбнулся.

— Чего вы смеетесь?

— Да как-то забавно слышать, когда вы говорите «море». Разве это море? Так, не то озеро, не то заливчик.

Коля хитро взглянул на меня:

— Погодите, попадете как-нибудь в погоду, сразу небо с овчинку покажется... Один раз мы с приятелем плыли здесь вот так же на боте. Тепло, солнышко. Вдруг облачко набежало, ветерок... сильнее, сильнее, да

как рванет! Закружилось все, волны так и захлестывают, швыряет нас, как щепку. И островок рядом, а добраться не можем. Думали, уж конец. Потом подхватило нас волной и выкинуло на берег. Вымокли до нитки: одежда, еда, табак... И, знаете, разошелся ветер, дует и дует, хоть плачь. А «заливчик»-то весь белый, ревет. Куда там плыть! Сидим на островке и ждем. Досадно так: до дому рукой подать, каких-нибудь пять—шесть километров, а поди-ка доберись! Так двое суток и высидели

Я слушал Николая, смотрел на эту зеленоватую, чуть-чуть волнующуюся водную гладь и не мог себе представить ее ревущей и бушующей.

Вон впереди нас на воде мирно покачиваются, будто детские бумажные лодочки, какие-то птицы, наверно, чайки.

Я посмотрел в бинокль. Нет, не чайки, а крупные белые утки с темными головками.

Коля тоже взглянул на них:

— Ишь, мужья-то собрались, целый клуб!

— Какие мужья?

Николай усмехнулся:

— Это же гагуны. Жены их теперь на гнездах сидят, а они без дел!). Целой компанией собрались. Скоро уйдут в открытое море, к дальним лудам, перо менять.

Я с любопытством начал рассматривать в бинокль этих замечательных птиц. Вот уж настоящие моряки! Наши лесные птицы во время линьки забиваются куда-нибудь в кусты, в чашу, а для этих самое безопасное место — открытое море. Да ведь и правда, попробуй найди-ка их среди безбрежной водной пустыни! А голода им бояться нечего — кормит их море.

Мы подплыли ближе. Гагуны насторожились и вдруг с шумом поднялись. Они полетели, часто махая короткими крыльями и вытянув белые шеи с темными головками.

Летающие гагуны очень забавны: они похожи на большие бутылки, к которым приделаны крылья.

Птицы пролетели над самой водой несколько сот метров и опустились на море, у берега лесистого острова. Вдруг из-за верхушек деревьев что-то большое, темное стрелой бросилось на гагунов. Всплеск воды — вся стая шаркнулась в сторону. Огромный орлан-белохвост тяжело поднялся в изодух; в когтях у него белел схваченный гагун. Медленно махая широ-

кими крыльями, грузная птица полетела со своей жертвой обратно к острову.

— Ах, разбойник! — вздохнул Николай, глядя вслед улетающему орлану. — Мало ему рыбы в море, еще и за гагунами охотится!

— Ну уж, я думаю, большого» вреда он не сделает, — сказал я, невольно любуясь огромной птицей.

— Конечно, не сделает, — согласился Николай. — Ведь он в основном рыбой питается.

Подплыв к острову, мы перебрались по обнажившимся при отливе камням на берег и пошли разыскивать гагачьи гнезда.

Я заглядывал под каждое свалившееся дерево, под каждый куст в поисках гаг, но их нигде не было. Что за странность?

Вот под елкой разбросан старый гагачий пух, и больше ничего нет*. А вот опять пух и скорлупки. Да ведь это же разоренное гагачье гнездо! Я подозвал Николая; он внимательно все осмотрел:

— Да, разорено... Наверно, вороны. Это злейшие наши враги. Вы знаете, сядет, негодница, на верхушку дерева и выслеживает, когда гага с гнезда кормиться сойдет. Если заметит — сейчас же к гнезду, все яйца побьет и выпьет.

Мы пошли дальше. Опять разоренное гагачье гнездо. Еще, и еще. — Николай с беспокойством оглядывал их.

— Э, да это уж не ворона! — Он поднял остаток гагачьего крыла. — Кто-то не только яйцами, а и самой гагой полакомился.

Мы продолжали искать гагачьи гнезда, но все они были разорены.

Всюду в лесу виднелись разбросанный пух, скорлупки от яиц, а нередко тут же лежали остатки и самих гаг.

После трехчасовых трудов, обшарив половину острова, мы обнаружили шесть нетронутых гнезд. Все остальные были уничтожены.

Мы вышли на берег и сели отдохнуть.

— Как вы думаете, кто это натворил? — спросил я.

Николай пожал плечами:

— Завтра устроим облаву, тогда увидим.

На другой день мы отправились на злополучный, остров, чтобы выследить и уничтожить того, кто разоряет гагачьи гнезда.

Николай, Иван Галактионович, Ирина и я взяли ружья, а Наташа, Рая и жена Ивана Галактионовича с ребятами должны были быть загонщиками.

На двух ботах приплыли на остров. Мы, стрелки, стали цепью вдоль одного берега, а загонщики должны были зайти с другого края, идти через лес, кричать и гнать на нас зверя.

Я встал возле старой сосны. Впереди — поляна, за поляной — кусты, дальше — лес.

Вот где-то вдали, в лесу, раздались первые крики загонщиков. Хоть бы на меня выгнали! А кого? Может, рысь или росомаху... Зимой ведь заледив замерзает, могли и они сюда забежать с материка.

Крики загонщиков становились все слышней и слышней. Потрявоженный рябчик торопливо перелетел поляну. Где-то в лесу послышалось хлопанье крыльев. Я всматривался в кусты за поляной. Только бы не пропустить. От напряжения зарябило в глазах, мешало глядеть.

Вот что-то мелькнуло! Невольно вздрогнул, схватился за ружье. Или это только показалось? Нет, нет, опять мелькнуло. Какой-то зверь шмыгнул в кусты и затаился, боится выскочить на поляну. Наверно, высматривает.

Где-то совсем близко крикнул загонщик. В кустах шевельнулось, захрустело...

Я вскинул ружье и тут же разочарованно опустил: большой серый заяц выскочил на поляну и сел прямо передо мной, насторожив уши.

Вдруг, как раскат грома, прокатился по лесу выстрел. Заяц исчез в кустах. Вдали послышался призывный крик.

Кого же убил?»

Я поспешил на зов. Навстречу из-за поворота показался Иван Галактионович. В руках он держал убитую лису.

— Вот она! — крикнул Иван Галактионович, высоко поднимая за задние ноги свою добычу. — Теперь уж не созорничает! — И он энергично потряс ею в воздухе.

Все собрались к ботам и отправились домой.

— А какие еще звери на островах в заповеднике водятся? — спросил Ивана Галактионовича.

— На небольших островах, почитай, одна птица, а из зверья только ючь. Разве какой настоящий зверь с берега зимой забредет и останется, да море вскрыется. Вот на Великом острове — там любой зверь имеет. Обязательно надо нам с тобой туда проехать. Хороший остров, большой и весь лесом покрыт. Лосей там полно и медведя тоже пропасть, ошлым летом медведица сторожа прямо в море загнала.

— Как же так?

— Шел он по берегу, а она, значит, тоже на бережку с детками гу-т. Увидела его и — вот ведь озорница какая! — вместо того чтобы тиблагородно идти себе в лес, она прямо к нему. Куда деваться? Он в во-А вода-то у нас в море, сам знаешь, как лед. Залез по пояс, дух захва-ю, того гляди свалится. А медведица гуляет по бережку взад-вперед, ркает, урчит, никак не уберется. Насилу ушла. Уж он до сторожки-то-еле добрел... Обязательно нужно нам с тобой на Великий проехать, жет, какая медведица и тебя искупает.

— Вот тебе раз! За что же ты мне этого желаешь?

Иван Галактионович добродушно улыбнулся:

— А чтобы тебе о нашем заповеднике получше память осталась. А то № уедешь, да и забудешь про нас.

Планы на будущее

Наша гага в сарайчике погибла. Мы нашли ее утром на гнезде мерт-". Наверно, ей чего-нибудь не хватало в корме или было слишком оню.

Как жаль, что мы не оставили тогда дверь сарая открытой! Ну, что ж тать, теперь беды уже не поправишь.

Мы второй день не выходили из дому: ветер и море так разбушева-сь, что носа не высунешь.

Волны с грохотом ударяли в береговые камни. Водяная пыль взлетала юздух и мелким дождем сыпалась на берег, на стены нашего дома. Низ-Г. рваные тучи бежали над самой водой. Захолодало. Вот-вот, казалось, Пдст снег.

А в нашей хижине было тепло и по-лесному уютно. Мы затопили печку.

Жарко полыхали дрова, пахло дымком и смолой. Усатые жуки-дровосеки повывлезли из щелей и тоже грелись на стенах.

Мы с Колей сидели за столом, заваленным книгами, тетрадами, и разговаривали о том, как бы скорее превратить наши северные острова в сплошные гагачьи поселения.

— Прежде всего, — сказал Коля, — нужно убедить местных жителей, что несравненно выгоднее ежегодно собирать пух с гагачьих гнезд, чем убивать самих гаг.

— Хорошо бы устроить выставку по гагачьему хозяйству, — заметил я.

• — Верно, — согласился Коля. — Ведь, по существу, только теперь мы и начали по-настоящему налаживать охрану гаги. До революции ее только истребляли. В Исландии гагу разводили еще в пятнадцатом веке, а в восемнадцатом там была предложена премия за лучший проект покровительства гаге.

Коля встал из-за стола, достал с полки небольшую книгу и начал читать вслух об исследователе Шепарде, посетившем северо-западную часть Исландии:

— «Мы высадились на скалистый, изъеденный волнами берег. Перед нами было самое удивительное орнитологическое зрелище, какое только можно себе представить. Повсюду были гаги и их гнезда; большие бурые самки сидели на гнездах в огромных количествах и на каждом шагу выскакивали из-под наших ног. Лишь с большим трудом нам удавалось не наступать на гнезда. На противоположном берегу как раз над уровнем прилива тянулась очень толстая стена из больших камней вышиной около трех футов. Из низа стены с обеих сторон было вынута через один по камню, так что образовался ряд квадратных помещений, служащих птицам гнездами. Почти каждое помещение было занято, и, пока мы шли вдоль берега, из них вылетала целая вереница гаг, одна за другой. Поверхность воды была совершенно белая от самцов, приветствовавших своих буроватых подруг громким и шумным криком. Даже дом человека был настоящим чудом. Его земляные стены и отверстия окон были заняты гагами; вокруг дома на земле бахромой сидели те же птицы. Мы могли их видеть также на торфяных скатах крыши, а одна гага сидела на скребке у порога. На лужайках, обращенных к морю, дерн был снят квадратными куса-

ми величиной около восемнадцати квадратных дюймов, и каждая из образовавшихся ямок была занята гагами. Этой птицей были наводнены, ветряная мельница, все постройки, все бугры, все скалы и трещины. Гаги были повсюду. Многие из них оказались такими ручными, что мы могли гладить их на их гнездах»¹. — Николай закрыл книгу. — Вот сколько развели! — с невольной завистью сказал он.

— Коля, а ведь и у нас гага могла бы гнездиться тут же, рядом с домом!

— И будет, непременно будет, — ответил он. — Исландия для гаги вовсе не какая-то особенная страна. Гагу прекрасно разводят и в Дании, и в Норвегии... Там тоже давно уже перестали смотреть на нее как на объект охоты. У них это не дикая, а домашняя птица... Знаете, в Норвегии гаги так привыкают к людям, что строят свои гнезда не только во дворах, но даже заходят в дома рыбаков.

— Ребята — вот кто наши лучшие помощники, — сказал я. — Им-то и нужно привить интерес к охране гаги. Почему бы не устраивать в приморских школах весенний праздник — День птиц, как у нас в Средней России? Наши школьники развешивают скворечни, а здешние на своих пустынных островах сооружали бы из камня гагачьи домики.

— Это идея! — сказал Коля. — Кстати, ведь гага, так же как и скворец, привыкает к месту своего гнезда. Из года в год она устраивает его не только на одном и том же островке, но даже старается занять ту же самую ямку. Вот у каждой школы и были бы свои домики, свои гаги.

Я случайно взглянул в окно.

Наконец-то солнце выглянуло из-за туч.

Море плескалось в голубых огненных вспышках. Блестели мокрые камни на берегу, а на них — белые чайки, как комья снега. Совсем по-весеннему.

И мне невольно вспомнились старые-старые стихи, которые мы читали когда-то, еще в раннем детстве:

Под вешним солнцем тает снег,
Проснулось море к новой жизни.
Здесь каждый камень дорог мне,
В моем краю, в моей отчизне.

¹ Л. П. Формозов. Гага и промысел гагачьего пуха.

Водяное крещение

• Была уже вторая половина июня. Приближалась самая интересная пора — вылупливание гагачат. Дружная весна и теплое, погожее лето предвещали, что выводки будут очень ранние. Когда мы открывали инкубатор, оттуда слышался приглушенный писк — это пищали еще не вылупившиеся птенцы. Пришло время позаботиться о будущем молодняке.

Николай собрал наш маленький коллектив. Он надумал построить в морском заливчике возле инкубатория вольеру для гагачат. Этот заливчик интересен тем, что во время отлива почти вся вода из него уходит. В это время нам и нужно было успеть соорудить нижнюю, подводную часть вольеры: укрепить на дне проволочную сетку так, чтобы гагачата не смогли под нее нырнуть и вылезти из вольеры.

• — Проволочная сетка у нас есть, — сказал Николай, — а за досками дело не станет.

Действительно, на соседних островах строительного материала валялось сколько угодно. Волны выбрасывают на берег доски и бревна — это остатки лесных заготовок, принесенные морем.

Вольера для выращивания гагачат была нам очень нужна. Конечно, птенцов можно будет сразу же подпустить к диким гагам; у них вот-вот тоже должны были вылупиться гагачата. Однако в вольере мы смогли бы день за днем наблюдать наших птенцов, изучать их жизнь и повадки.

На другой же день мы с Иваном Галактионовичем в большой лодке отправились собирать доски для вольеры. До соседних островов добраться было не так легко, потому что дул встречный ветер. Но зато мы выехали во время отлива, с попутной водой, так что плыть пришлось по течению. А через несколько часов начнется прилив — вода пойдет обратно, и возвращаться можно будет опять по течению.

На ближайшем пологом острове по берегам мы нашли множество самых различных бревен и досок. Не прошло и трех часов, как мы натаскали их к лодке целую кучу и принялись грузить.

Но чем дальше шла погрузка, тем с большим беспокойством поглядывал я на лодку. Она была уже полна, а Иван Галактионович все еще накладывал сверху длинные доски. Лодка совсем осела, так что края ее почти касались воды.

— Иван Галактионович, что ты делаешь! Нас волной сразу захлестит.

— Ты грузи да помалкивай, — добродушно отозвался мой спутник, продолжая таскать доски.

— Да что ты, в своем уме? — не на шутку забеспокоился я. — Тогда плыви один, мне еще жить не надоело!

Иван Галактионович остановился с доской на плече и презрительно сплюнул:

• — Э-эх ты, баба рязанская, а еще тоже, мужик! — И он зашагал к лодке.

— • Ну, тогда делай что хочешь, я с тобой все равно не поеду, — решительно сказал я и, отойдя в сторону, сел на камень.

Наконец Иван Галактионович закончил погрузку и туго прикрутил канатом поклажу к лодке.

Прилив еще не начался, приходилось ждать с полчаса.

— Вот теперь и покурить можно, — весело сказал мой товарищ, подсаживаясь ко мне. • — А ты не сердись и не сомневайся, докатим в лучшем виде. Поставим парус, ветер попутный, вишь как задувает.

Действительно, пока мы грузили, ветер усилился, залив потемнел. Начался настоящий шторм.

— Нет, Иван Галактионович, — сказал я твердо, — я тебя так не пущу. Утонешь, а потом за тебя отвечай. Смотри-ка, что на море делается! Лучше переждем здесь, а пока давай-ка сбросим половину досок.

Иван Галактионович негодуя поглядел на меня:

— Аи ты рехнулся? Грузили, грузили, а теперь сгружай? Ты что ж, кататься сюда приехал?

— Нет, не кататься, но и не топиться. На море буря, а ты плыть собрался, да еще с таким грузом!

Иван Галактионович вдруг расхохотался:

— Э-эх, да чего же ты так забоялся? Я ж тебе говорю, не потонем. Ты сам подумай: чем лодка-то у нас гружена? Лесом, сушняком. Разве сухой лес потонет? Он все, как поплавок, поверху будет плыть. Пустую лодку скорее захлестнет. Тут только нужно глядеть, чтобы волной все у нас не расшибло да не перекувырнуло бот, а потонуть не потонем. Ты знаешь, в прошлом году я раз вовсе без лодки приплыл — доски собрал, скрутил канатом, сел на них — и айда. А ветрило такой • — жуть прямо, волны, что горы. Меня ка-ак подхватило да ка-ак понесло! Ну, думаю, сейчас всю мою укладку по дощечке расшвыряет — и пропал... Думаю, а сам не поддаюсь: правлю доской прямо на остров. Волной сзади как поддаст,

поддаст — с головой накроет. Холодно! зуб на зуб не попадает. Уцепился за канат, держусь, чтобы не сшибло. А доски тоже не упускаю. Как к острову стал подплывать, на берегу заметили, сбежались. Глядят, что за диво — человек плывет, а на чем, и не поймут. Думали, с кораблекрушения. Уж хотели на помощь лодку гнать, да только не смогли против ветра выбиться. Сунулись — а их волной назад, чуть лодку о камни не расшибло. Ну, а я уж тут и выкатил прямо на берег — ничего себе, **живой**, только нитки сухой нет. Руки, ноги так свело, не разогнуть. Мне, значит, сразу стакан вина, одёжу сухую, и все в порядке.

— Ну и молодец! А ты, верно, на море и родился?

— Не-ет, я не здешний, я владимирский. Знаешь?

— Как же не знать! Я во Владимире не раз бывал. Почитай, земляки.

— Вот видишь, а ты плыть со мной боялся — «утоплю», говоришь.

Да разве можно земляка утопить! Ты даже насчет этого и не **сомневайся**. Доедем тихо, спокойно, как в санках по первопутку.

Я живо представил себе плавание в бурю на бревнах; это мало походило на спокойное путешествие в санях, но делать было нечего. Уверен-

ность Ивана Галактионовича лишила меня возможности отказаться плыть шесте с ним.

Начался прилив. Мы подняли парус, взобрались на доски и отчалили от берега. Едва только мы выплыли из-за острова на открытое место, зетер со страшной силой ударил в парус. Лодку подбросило, как сухую депку, и вдруг я почувствовал, что мы летим куда-то вниз, будто проваливаемся в бездну. Ледяная вода окатила нас с ног до головы. В ужасе я ухватился за доски: «Тонем!»

Но тут нас подбросило вверх, и мы вылетели на гребень волны.

— Держись, Лексеич! — как ни в чем не бывало крикнул Иван Галактионович.

Я оглянулся. Весь мокрый, отфыркиваясь, он сидел на корме и, поддев руку под канат, как клещами вцепился в кормовое весло.

Мы опять полетели вниз. Я замер от страха: позади нас поднималась новая водяная гора. Не успел я вскрикнуть, как лодку снова окатило водой.

Должно быть, вид у меня был далеко не геройский. Иван Галактионович взглянул на меня и расхохотался:

— Что ж ты глаза-то выпучил? Аи помираешь?

Этот оклик меня сразу ободрил. «А может, и вправду не так уж опасно?» — подумал я и решил больше не оглядываться, чтобы не видеть, как нас накрывает волной.

Теперь я понял, что лодку действительно сразу залило бы волнами, если бы она не была битком набита сухим лесом. Только бы не развязался канат и волны не разбросали наши доски, — тогда конец. Вот когда я оценил сноровку моего товарища, искусство, с каким все было уложено и увязано.

Я не вытерпел и опять оглянулся на Ивана Галактионовича.

Он ободряюще подмигнул мне:

— Жив? Не тревожься, доплывем.

И вдруг, глядя на него, я почувствовал, что мне уже вовсе не страшно, даже весело. С таким не утонешь!

Наш дом быстро приближался. Ветер стал заметно стихать. А когда мы завернули за ближайший к дому остров, тут уж было совсем тихо. Парус безжизненно повис; пришлось братья за весла.

На берегу нас встретила Наташа. Глядя на наши мокрые, скрюченные от холода фигуры, она рассмеялась:

— Прямо как мокрые куры! Идите скорее греться.

— Ты нам схлопочи внутреннего согревающего, — отозвался Иван Галактионович. — Нужно Лексеича с водяным крещением поздравить, а то он наше море за лужу все почитает. Так, что ли?

Я молчал. Теперь, на берегу, мне было стыдно своего малодушия.

Когда мы уже подходили к дому, Иван Галактионович неожиданно потрепал меня по плечу:

— А ты все-таки ничего, мужик подходящий!

Я удивленно поглядел на него: что он, опять смеется?

Он действительно улыбался.

— Знаешь, Лексеич, о прошлом годе тоже тут один приезжал. Ну, тот похрабрее тебя... Я, говорит, сам на море вырос, привычный, значит. Вот мы с ним и попали разок в такую же погодку. Как закружило нас, ну беда! А он-то, соколик мой, чуть не в слезы. Что тут делать? Нужно и править, чтобы не опрокинуло, и воду из лодки вычерпывать да еще его утешать. И впрямь чуть не утонули. Потом уж он от меня дня три **все** прятался— стыдно, значит. А ты ничего, подходящий. Только глаза малость выпучил, знаешь, как у рака. — И Иван Галактионович опять добродушно рассмеялся.

Первые гагачата

На следующий день, как только с отливом вода ушла из заливчика, мы забрались в топкую грязь, заколотили в дно длинные сваи и прибили к ним поперечные брусья.

Все хлопотали не покладая рук. Но, по правде говоря, всю наиболее ответственную часть работы делали двое: Иван Галактионович и Николай. Они-то, собственно, и были настоящими строителями, а мы — только подсобной рабочей силой.

Наконец деревянный остов вольеры был готов. Но в это время начался прилив, и вода стала заполнять заливчик. Пришлось обшивку вольеры проволоочной сеткой отложить до следующего дня.

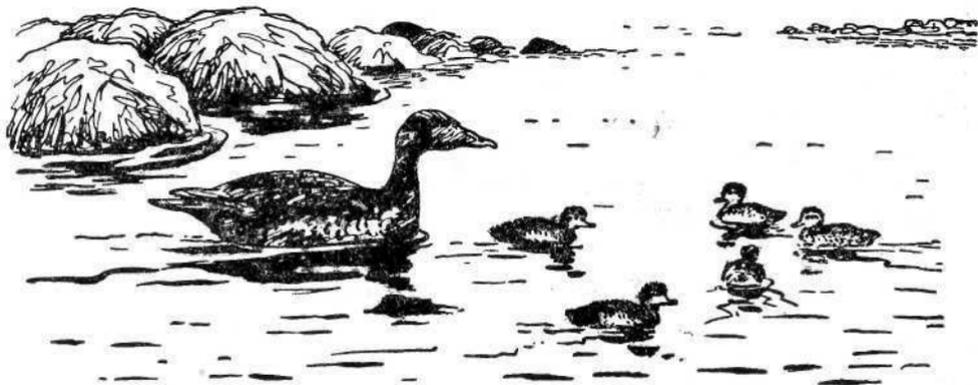
Очень довольные тем, что до прилива успели сделать всю основную работу, мы вернулись домой. Пообедали, и каждый занялся своей повседневной работой.

Мы с Николаем отправились на соседний остров осматривать гагачьи и чаечьи гнезда.

Проплывая мимо небольшой луды, я заметил, что среди торчащих из воды серых камней копошились какие-то черные точки. Я указал на них Николаю. Он взглянул в бинокль и сейчас же передал его мне:

— Поглядите-ка!

Я навел бинокль на копошащиеся точки — это были крошечные, вероятно только еще недавно вылупившиеся, гагачата. Целый выводок, штук пять. Тут же возле них плавала их мать. Я ее сразу и не разглядел — она держалась возле камней и была почти незаметна на их сером фоне. Зато темных подвижных гагачат заметить было вовсе нетрудно. Они так и носились по воде и, кажется, что-то склевывали с полужатопленных камней.

— Вот вам и первый гагачий выводок, — весело сказал Николай. — Теперь не сегодня-завтра и у нас в инкубаторе начнут вылупливаться.

— Давайте подплывем поближе, посмотрим на них, — попросил я.

Но едва мы приблизились настолько, что гагачат можно было хорошо разглядеть простым глазом, как мать-гага уже забеспокоилась. Она насторожилась, высоко подняла голову, потом быстро поплыла вдоль берега меж камней, уводя за собой весь выводок.

Мы нажали на весла и поплыли наперерез. Гага сейчас же взлетела, но, отлетев немного, вновь опустилась на море. Гагачата удирали от нас вплавь. Они плыли, пригнувшись к воде и вытянув вперед свои длинные шеи. Стараясь грести быстрее, я нечаянно стукнул веслом о борт. В тот же миг все пять гагачат исчезли под водой. Прошло не меньше двух ми-

нут, прежде чем они вновь показались на поверхности, уже далеко впереди нас.

Мы остановились и не стали их больше преследовать. Долго еще мелькали среди торчащих из воды серых камней удаляющиеся темные точки. Я глядел на них и думал. «Ведь этим малышам от роду, наверно, не больше трех — четырех дней, а как здорово они ныряют и с какой ловкостью уже умеют удирать от опасности! Интересно понаблюдать за гагачатами, которые выведутся у нас в инкубаторе. Будут ли они такими же осторожными или нет? Придется ли их приручать или с самого дня рождения они уже будут ручными?»

Я спросил, как думает об этом Николай.

— Да как вам сказать... Гагачат я никогда не выращивал, а по примеру других птиц думаю, что возни будет немало.

Когда мы вернулись домой, нас ждало огорчение. Наташа сейчас же повела нас к заливчику: в нем, как корабль, плавала наша вольера. Значит, мы недостаточно прочно укрепили сваи, и вода подняла всю постройку.

Наши питомцы

Рая разбудила всех ни свет ни заря.

— Скорей, скорей, идемте ко мне! Да не копайтесь же вы так долго! — торопила она, пока мы наскоро одевались.

Мы поспешили в инкубаторий. Рая торжественно открыла дверцу инкубатора и выдвинула лоток, на котором в строгом порядке лежали крупные зеленоватые яйца. Среди них копошился темный комочек.

Рая бережно взяла его в руки и показала нам. Это был только иго вилупившийся гагачонок. Мы радостно приветствовали появление на свет первого нашего питомца.

Гагачонок был совсем такой же, как обычные домашние утята, только весь темненький, почти черный. Он был еще очень слаб, и Рая осторожно пересадила его в сушильное отделение.

Из инкубатория мы отправились к заливчику. Было время **отлива**, Мы вновь перетащили и установили на прежнее место деревянный остов вольеры. Потом забили поглубже в дно сваи и обтянули вольеру проволоочной сеткой. На нижний край сетки навалили камней. Теперь вода уже не поднимет кверху наше сооружение. Вольера была вполне готова.

За день вывелось еще шесть гагачат. Всех их тоже посадили в сушильный шкафчик. Там теперь собралась целая компания. Гагачата пищали и поднимали головки. Те, что просидели в шкафу три — четыре часа, уже немного окрепли; они пробовали вставать на лапки и хватать своими широкими, как лопаточки, клювиками все, что им попало на глаза. Вот один ушипнул другого за бок и старается выдернуть пух, а тот норовит ухватить соседа прямо за клювик. Им еще предстоит выучиться различать, что можно есть, а что для этой цели совсем не годится.

Гагачата выводились в инкубаторе один за другим. Мы не успевали пересаживать их в сушильный шкаф.

В углу за печкой мы сделали загородку и туда перенесли вчерашних гагачат. Они уже прекрасно бегали, только ели еще очень плохо. Мы накрошили им на лист бумаги вареных яиц, каши, но гагачата до всего этого почти не дотронулись. Зато по-прежнему они очень усердно ошипывали друг друга. Вот на одного из гагачат сел комар; другой гагачонок это заметил, нацелился — цоп! — и поймал комара. Мы сейчас же сбегали на берег, наловили под камнями бокоплавов и высыпали на лист бумаги вместе с кашей.

Бокоплавыв шевелились, ползали по бумаге. Гагачата начали ловко их хватать, а заодно ели и кашу с яйцом.

— Давайте выпустим их покупаться, — предложил Николай.

Мы собрали гагачат в корзину, отнесли и посадили на бережок залива. Гагачата стали разгуливать между камешками, пощипывали траву и с азартом гонялись за комарами. Но в воду идти, по-видимому, не собирались.

— Вот что значит без матери! — огорченно вздохнула Рая. — Некому им и показать.

Мы решили гагачат не загонять насильно в воду, а подождать, пока они сами туда заберутся. Неужели вековой инстинкт не подскажет им? Ведь море — это их родная стихия. Но Наташе не терпелось. Она решила заменить гагачатам их мать. Надев резиновые сапоги, она залезла по колени в воду и начала звать:

— Кру-кру-кру!...

— Почему ты так зовешь? — спросил Коля. — Ведь гага совсем иначе кричит.

— Я по-гагачьи не умею, я лучше по-своему, — засмеялась Наташа. — Они и так ко мне обязательно придут. — И она опять стала махать: — Кру-кру!

Вдруг, к нашему удивлению, один гагачонок как будто и вправду пошел на зов. Ковыляя между камешками, он подбежал к самой воде и остановился в нерешительности.

Наташа торжествовала.

— Кру-кру-кру! — звала она. — Ну, иди, глупенький... Кру-кру-кру!

Утенок опустил в воду носик, напился и, повернувшись, заковылял обратно к своим.

— Наташа, вылезай на берег, а то ты их только пугаешь, — сказала Рая.

Но Наташа не сдавалась:

— Нет, подождите еще немного, они ко мне придут.

Продолжая звать гагачат, она начала легонько шлепать ладонью по воде. Утята повернули головки, прислушались, и вот два, самые бойкие, направились к Наташе. Они подошли к воде, тоже напились, потом повернули друг к другу клювики, будто советуясь, стоит лезть или не стоит, и вдруг оба разом прыгнули в воду и поплыли.

За первыми двумя гагачатами постепенно вошли в воду и все остальные. Они весело плавали вокруг Наташи, что-то хватали с поверхности воды, только нырять никак не хотели. Напрасно Наташа опускала перед ними в воду руки, ничего не помогало.

— Да ты окунись совсем, — засмеялась Рая, — тогда и они за тобой нырнут.

— А что, если попробовать? — задорно отозвалась Наташа.

— Этого только не хватает! — рассердился Николай.

— Я один разок, чтобы им показать.

— Нет уж, извини! И вообще вылезай, а то и так вся вымокла.

Несмотря на Наташины протесты, он полез в воду и вытащил ее на берег. И вдруг все гагачата, один за другим, гуськом тоже поспешно стали вылезать на бережок и, путаясь в траве и камнях, побежали к Наташе. Действительно, они как будто признали ее своей матерью.

— Наташа, что же это значит? — возмутилась Рая. — Я их высидела, а ты у меня отбиваешь!

— А я их плавать выучила, — отвечала Наташа. — Это поважнее, • (наешь, высидеть утят и курица сможет, а вот плавать...

— Ну, теперь и плавай с ними до осени!

Мы посадили гагачат обратно в корзину и отнесли в инкубаторий, за печку. Для первого раза купаться им было довольно, теперь они должны были обсохнуть и согреться.

На воле они забрались бы под гагу, а тут живую гагу им заменяла бутылка с теплой водой, завернутая в мягкую шерстяную тряпку. Гагачата прижались к бутылке и затихли, заснули.

Первый урок купанья был закончен.

Гагачата, выведенные в инкубаторе, вовсе не боялись людей. Наоборот, они да се бегали за ними следом. А если, бывало, сядешь на землю, гагачата сейчас же соберутся кругом, влезут на колени и вперегонки ловят с рук, с одежды насевших комаров. Значит, боязнь человека у диких гагачат — вовсе не прирожденное свойство. Вероятно, они выучиваются этому у матери-гаги.

Наши гагачата отлично усвоили призывный клич «кру-кру» и сейчас же бежали на зов.

Теперь мы выпускали более взрослых не только в вольеру, а прямо в заливчик. Целые дни они то плавали табунком, то грелись на солнышке, сидя среди прибрежных камней.

Подросшие гагачата совсем не хотели есть ни яиц, ни каши, ни хлеба. Плавая по заливчику, они питались разными мелкими водяными животными. Но вот что нас очень удивляло и огорчало: все наши питомцы как будто не умели нырять. Наверно, на птенцов повлияло их необычное содержание в комнате за печкой. Когда гагачата полоскались в воде, некоторые при этом пытались нырнуть, но даже не могли как следует погрузиться. Совсем так, как ныряют маленькие ребятишки: голова под водой, а ноги наружу.

За гагунагь

С гагачатами возились в основном Рая и Наташа. Коля принялся организовывать биологическую лабораторию, а мы с Иваном Галактионовичем занялись сбором материалов для музея. В первую очередь нужно было поскорее убить на чучела несколько гагунов, а то они,, сбившись в стайки, почти все уже шли от берегов в открытое море менять перо. У островов остались только отдельные птицы.

Конечно, легче всего добыть гагуна в заповеднике, но мы не хотели выстрелами пугать их здесь. Пусть у нас в заповеднике они чувствуют себя в полной безопасности и совсем не боятся человека. Поэтому мы с Иваном Галактионовичем решили отправиться за гагунами и другими птицами километров за пятнадцать, на незаповедные острова.

Набили патроны, взяли с собой еду, поставили парус и с попутным ветром тронулись в путь.

После хлопот с вольерой, инкубатором, гагачатами, когда буквально не было времени вздохнуть, теперь, сидя в боте, я с особенным удовольствием вновь почувствовал суровую красоту моря и диких скалистых островов.

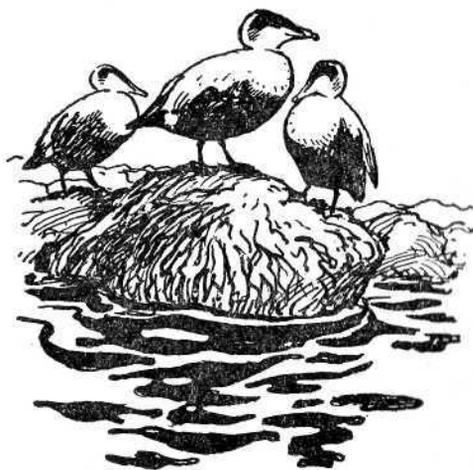
Быстро бежит бот. Над головой упруго надувается ветром четырехугольный холщовый парус. Ветер брызжет в лицо водяной соленой пылью. Мимо проплывает берег — огромные серые камни с сидящими па них, как старики-удильщики, длинноносыми куликами. Море играет, псе в солнце, в ветре, лижет борты лодки голубым пламенем ленивой волны. В воздухе кружат, кричат чайки. И даже их крики не нарушают этого первобытного покоя природы.

— Вот так бы плыть и плыть... — говорит Иван Галактионович.

— Да-а, хорошо, — нехотя отвечаю я, и мы снова молчим и смотрим на плещущий в солнце морской простор, на синее, безоблачное небо. Порою в нем, будто далекий парус, мелькнет белое крыло пролетающей чайки и исчезнет за зеленым, лесистым островом...

Этот остров и был конечной целью нашего пути. Он не считался заповедным, поэтому здесь мы и собирались поохотиться.

Невдалеке от острова в море темнели небольшие луды. На таких лудах обычно и любят отдыхать гагуны. Я внимательно взгляделся. Возле одной из луд на воде что-то белело. Я посмотрел в бинокль: вот они, гагуны, три штуки.

Мы опустили парус и взялись за весла.

Удастся ли подобраться? Я уже испытывал охотничье волнение. Удильное дело, все время видел в заповеднике и гаг и гагунов, но смотрел на них просто как на домашнюю птицу. В голову даже не приходило, что это дичь. А вот теперь, подбираясь к гагунам, с ружьем, сразу почувствовал, как от волнения задрожали руки.

Луда, возле которой плавали гагуны, все ближе и ближе. Я уже острым глазом хорошо видел больших белых птиц с темными го-эвами. Греб теперь один Иван Галактионович. Я держал ружье аготове.

До ближайшего гагуна оставалось не более ста шагов; еще немного, можно стрелять. Но в это время он взлетел, за ним другой — и все три птицы, хлопая крыльями, поднялись с воды и полетели низко над морем соседней луде.

— Эх, заметили! — воскликнул с досадой Иван Галактионович. — еще бы чуточку — и наши...

Мы опять взялись за весла и поплыли к той луде, где уселись гагуны, о с тем же результатом. Не подпустив нас шагов на сто, птицы перелетели на прежнюю луду.

— Стой, Лексеич, мы с тобой их перехитрим! — сказал Иван Галактионович. — Вылезай из лодки, садись за камень, а я их оттуда турну́.

Я вылез на луду и спрятался за огромный серый камень. Иван Галактионович быстро отплыл. Вот его лодочка уже далеко покачивается на волнах. Он плыл не прямо к соседней луде, а немного объезжал ее, чтобы пугнуть гагунов на меня. Лодка скрылась за лудой.

Я устроился поудобнее. Ружье со взведенными курками — наготове.

Вдруг из-за луды показались три белые точки. Быстро увеличиваясь, они неслись над морем прямо ко мне. Гагуны! Только бы не заметили, не вернули в сторону!

Я прижался к каменной глыбе. Стрелять или нет? Камни мешают целиться. Я выскочил из-за них. Птицы с шумом свернули в сторону.

Выстрел — мимо; второй — и один из гагунов, опустив крылья, косо падает в воду. Всплеск воды — и на поверхности ничего нет, будто камень бросили. Нырнул. Сейчас вынырнет.

В один миг я перезарядил ружье, но гагуна нигде не было. Куда же он девался? Ведь возле луды в воде даже травы нет, негде и спрятаться. Вдруг шагов за двести в море показалось что-то белое. Поглядел в

бинокль — гагун. Низко пригнув голову и почти весь погрузившись в воду, он быстро уходил в море. Он то исчезал под водой, то опять показывался.

Что же мне делать? Я начал кричать, звать на помощь Ивана Галактионовича с лодкой. Куда же он делся?

Неожиданно над самой головой послышался свист крыльев. Мимо меня пронеслись два гагуна. Не целясь, я выстрелил им вслед. Один будто споткнулся в воздухе, упал в воду и тоже исчез.

«Опять ушел!» В полном отчаянии, с разряженным ружьем я опустился на камень.

Вдалеке показалась лодка Ивана Галактионовича. Он плыл ко мне. Но теперь все равно было уже поздно. Наверно, оба раненых гагуна ушли далеко в море.

Иван Галактионович подъехал:

— Ну что, убил?

— Ты-то куда с лодкой пропал?

— Да я там караулил — думал, от тебя обратно полетят.

Я сел в лодку, и мы поплыли наудачу в море, в ту сторону, куда ушел первый гагун. Отплыли метров четыреста — нигде не видно.

— Подожди, а это кто там плавает? — спросил Иван Галактионович.

Я посмотрел в бинокль:

— Нет, это чайка.

— А там?

— Тоже чайка.

Отплыв еще метров сто, мы повернули обратно к луде. И вдруг прямо перед лодкой, в каких-нибудь двадцати шагах, я заметил — на воде что-то белеется.

— Должно быть, щепка, — сказал Иван Галактионович.

Мы подплыли ближе. Я боялся поверить глазам: не кажется ли?

— Гагун! Он и есть! — радостно воскликнул Иван Галактионович.

Впереди нас на волнах покачивался мертвый гагун. Он почти весь был в воде, только спинка виднелась. Еще взмах весел — и я с торжествем вытащил из воды дорожную добычу.

Первый раз в жизни держал я в руках гагуна. До чего красив! Недаром про него говорится, что в его наряде отражаются все краски Севера: белизна снегов тундры, густая чернота прибрежных скал, зеленоватый цвет льда и розовато-желтый отблеск зари.

Иван Галактионович тоже был очень доволен:

— Ну, Алексеич, молодец, не подкачал!.. Мы сейчас и второго разы-
|см. Куда он отправился?

Но этого я и сам не знал. Ведь он сразу нырнул и исчез. Вероятнее
его, вынырнул где-нибудь очень далеко.

Мы возвратились на луду и долго осматривали в бинокль поверх-
ость моря. Нигде не видать.

— Вот что, Алексеич, — серьезно сказал Иван Галактионович, — мо-
<ет, он никуда отсюда и не уплыл, а под водой и остался.

— То есть как под водой? — не понял я. — Должен же он когда-ни-
удь вынырнуть!

— Должен, да не всегда, — ответил Иван Галактионович. — Едем-
;а лучше на остров, а то вода ишь как убывает. Лодка обсохнет, и сиди
ут полдня на луде.

Мы сели в бот и поплыли к острову. Я стал осматривать в бинокль
iereг острова — может, раненый гагун туда как-нибудь пробрался. Ни-
iereго не видно. Значит, удрал. Жаль... Ну, один все-таки ведь есть.

Мы снова высадились на берег. Перед нами была полянка, а даль-
не — мелкая березовая поросль.

— Сейчас наберем сушняка, костер разложим, чаёк вскипятим, —
:казал Иван Галактионович.

— А где же воды взять?

— Воды здесь хоть отбавляй: ключи, вода чистая, хорошая.

Мы пошли в березовую поросль за сушняком для костра.

Только вошли, как затрещит что-то в кустах! Тетерев, один,
другой, третий — так и взлетают из-под ног. Мы бросились к лодке за
ружьями, да уж поздно, все разлетелись.

Делать нечего, пришлось, набрав сухого валежника, возвращаться
на берег.

Иван Галактионович принес в котелке отличной ключевой воды. Мы
вскипятили чай и уселись на берегу закусывать.

— Эх, Алексеич, хорошо здесь летом! И день и ночь светло, море иг-
рает, птица кричит — благодать, — сказал Иван Галактионович, прихле-
бывая из кружки горячий чай. — Зато уж зимой не приведи бог! Мороз,
темнота., почитай, круглые сутки. Какие-нибудь три — четыре часа посвет-
леет малость, и опять ночь и ночь, только спóлохи играют.

— А красивые эти сполохи?

— Ничего себе, красиво: то вроде как зарево по небу пойдет, то буд-то костер, а то цветными огнями заиграет.

•— И долго они бывают?

— А когда как: иной раз всю ночь играют.

— Ну вот, а ты говоришь, зимой плохо, темно...

— Да-а, сполохи... А вот как закрутит погодушка, как завернет мороз, снег, пурга — ну, беда, да и только. Нет, Лексеич, плохо у нас зимой. Что и говорить, атмосфера совсем неважная.

— Что же ты всю зиму-то делаешь? Море замерзло, гаг нет. Скучно, наверно.

—• А зачем скучать? — удивился Иван Галактионович. — Зимой я зверя добываю, это мое исконное ремесло. До берега рукой подать, а там ведь леса не заповедные, охотья сколько хочешь. Зимой у нас в заповеднике сторожить нечего. Отпрошусь у директора дня на два, три — и в лес.

— А ночуешь где?

— Как — где? В лесу и ночую, у костра. Нарублю сосновых веток, постелю — вот тебе и перина. Лежи-полеживай!

— Какого же зверя добываешь?

— Ну, насчет зверя здесь обижаться не приходится. Зверь всякий имеется: белка, куница, медведь... Года три назад прямо на медвежью берлогу наскочил, чуть не провалился. Снежком ее запорошило, и незаметно. Стал я на сугроб взбираться — смотрю, что это желтеется под снегом? А это берлога. От медведя теплый дух идет кверху, вот снег под ним и подтаивает и темнеет, как в оттепель весной. Я — назад. Отошел шагов пять и думаю: «Что делать? Один я, и ружье плохонькое, а упускать такой случай тоже нескладно. Ну, была не была...» Зарядил ружье пулей, потом вырубил березочку подлиннее, подошел опять к берлоге и стал туда березой тыкать. Как он заревет! Я березку бросил, ружье наизготовку, жду. Гляжу, из-под снегаловища показалась. Батюшки мои, что копна! Тут уж ожидать нечего: прицелился, хлоп, он назад в берлогу п завалился. Убить-то убил, а дальше никак не справлюсь — в нем пудов пятнадцать, не меньше. Разве вытащишь один из берлоги? Так и пришлось самому туда лезть, расчищать кругом снег да прямо в берлоге и обдирать, и тушу на части разделявать. Хорошо еще, погода теплая была, а то бы и не справился. Потом уж по частям мясо домой переташил, а шкуру директору на память отдал. Она и сейчас у него. Вот так, Лексеич,

и живем всю зиму. Сами вроде как медведи. Застанет иной раз ненастье — выроешь себе берлогу в снегу и сидишь, пока не стихнет...

Он подбросил сушняка в костер и задумался, глядя вдаль.

Я тоже глядел на спокойную, будто вылитую из голубого стекла, поверхность моря, на луды, на дальние зеленые острова, дышал запахом моря и никак не мог представить себе этот сверкающий, солнечный простор погруженным в тьму полярной ночи, в снега, в метель.

— Зато уж весна у нас так весна! — перебил мои мысли Иван Галактионович. — Знаешь, Лексеич, вот на исходе марта начнет день прибывать, ну, уж тут только держись! Снег еще кругом, бело все, а солнце как поутру встанет, так и калит весь день, так и калит. Свет такой — не знаешь, куда и глядеть. На небо не взглянешь, и на землю тоже. Весь снег будто в огне полыхает. А потом море начнет вскрываться, птица полетит — что тут крику, что радости, и не расскажешь. Чайки орут, гагары стонут, гагуны гавкают, за гагами по разводьям промеж льдин носятся. Вот когда к нам, Лексеич, приезжай. Весна — это самое ликование, все равно что праздник. На тока тебя свожу. У нас глухари, как воронье, по деревьям рассядутся. Приезжай обязательно по весне.

Мы позавтракали, снова взяли ружья и разошлись по лесу. Иван Галактионович пошел с одной стороны мелколесья, я — с другой.

Я шел среди молодой поросли по мягкому мху и думал об Иване Галактионовиче. Вот ведь кто по-настоящему, бескорыстно любит природу.

Я так задумался, что чуть не выронил ружье, когда из-под ног с треском вырвался иссиня-черный косач. Он полетел через поляну. Я выстрелил. Тетерев тяжело шлепнулся на землю.

Положив его в заплечный мешок, я пошел дальше.

Часа через два я вышел на берег, к лодке. Иван Галактионович уже сидел у разведенного костра и курил трубочку.

Была самая середина отлива: вода далеко ушла от берега, и та луда, где я стрелял гагунов, соединилась с нашим островом; только местами остались широкие плесы воды.

— Ну-ка, Лексеич, глянь-ка в бинокль — что там белеет? — сказал Иван Галактионович, указывая на обсохшую часть моря, по направлению к луде.

Я посмотрел в бинокль и чуть не вскрикнул от радостного изумления: среди обнажившихся теперь подводных зарослей ясно виднелся лежащий гатун.

Мы взяли по большому колу и, опираясь на них и перепрыгивая с камня на камень, направились к нему. Я все-таки не сумел благополучно добраться и, сорвавшись с камня, шлепнулся в холодную, жидкую грязь. Но что все эти невзгоды перед нашей удачей!

Наконец я добрался до гагуна. Он был мертв, лежал на зарослях турь, крепко ухватившись клювом за подводный стебель.

— Я ж тебе говорил, что он под водой остался, а ты не поверил! — весело сказал Иван Галактионович. — У меня, брат, часто так бывало: ранишь, а он нырнет, схватится у дна за турю, да так там и сдохнет. А как вода отойдет, он, голубчик, тут и окажется.

Достав убитую птицу, мы выбрались на берег и снова развели костер. Я согрелся, обсушился немного, и мы поплыли домой.

Прирученные и дикари

Иван Галактионович пошел на отмель рыть червей и прибежал оттуда запыхавшись. Почти у самого дома он заметил целый выводок диких гагачат без матки. Мы решили попробовать их поймать и подпустить к нашим.

Иван Галактионович, Николай и я сели в бот и отправились на охоту. Действительно, тут же за мысом плавали возле берега четыре диких гагачонка примерно такого же возраста, как наши.

Пока мы подъезжали, гагачата как будто не обращали на нас никакого внимания. Они полоскались у берега, кормились в зарослях водорослей. Это доказывало, что, по крайней мере, в раннем возрасте сами птенцы не очень пугливы.

Но как только мы подплыли совсем близко и попробовали ловить гагачат руками, тут уж они почували опасность и пустились наутек.

Поймать их оказалось очень трудно, хотя берег был открытый и спрятаться им было негде. Но едва мы нагоняли плывущего гагачонка и собирались его схватить, он мигом исчезал под водой, потом появлялся метрах в десяти и вновь удирал.

Наконец нам удалось загнать гагачат в маленький заливчик и отрезать им путь к морю. Мы погнали их на берег. И все-таки один из них ухитрился нырнуть прямо под лодку и уплыл в море. Зато трех других мы оттеснили к берегу. Они выскочили из воды и попрятались.

Не так-то легко было отыскать их и на берегу. Гагачата лежали недвижно, затаившись среди камней и травы. Все же мы поймали малышей, принесли домой и посадили к своим.

Хотя дикие гагачата были такой же величины и окраски, как наши, но с сразу можно было отличить: они были более подвижные, юркие и какие-то подбористые. Даже пух на них лежал иначе, будто приглаженный.

Дикие гагачата просидели вместе с нашими несколько часов в углу за >чкой. Они, видимо, совсем успокоились и не удирали, когда кто-нибудь с нас к ним подходил, — даже наоборот, вслед за нашими сами бежали шстречу.

На следующий день мы решили выпустить «дикарей» вместе со всеми [гачатами в заливчик.

— Ну, поглядим, удерут или нет, — сказал Николай, открывая дверь кубатория и выпуская весь выводок гагачат.

Один за другим они побежали знакомой дорожкой к воде. Сплошная асса темных пушистых комочков покатила вниз, под горку, к заливчику. В этой массе сразу же затерялись наши новые питомцы. Все гагачата росились в воду и табунком поплыли вдоль берега. Мы смотрели затаивыхание: что-то будет дальше?

Вот из общей массы выделяются три гагачонка и плывут прочь от бега, к середине заливчика.

— Нет, не хотят вместе держаться! — вздохнул Николай. — Сейчас йдут в море.

Но тут некоторые из наших гагачат тоже отделились от остальных и оплыли за дикарями. Посреди заливчика образовалась целая стайка. икие гагачата начали нырять, очевидно доставая со дна корм. Мы с опытом наблюдали за ними. Они ныряли совсем не так, как наши, не-кложе перевертываясь кверху ногами. Дикий гагачонок вытянет шею, есь подберется, подпрыгнет и юркнет в воду. Мы невольно любовались овкоетью и быстротой их движений.

Вдруг один из наших утят тоже подобрался, подпрыгнул и исчез под одой. За ним другой, третий... Вот так раз! А ведь раньше они этого во-се не делали. Очевидно, наши гагачата переняли этот способ нырять у икарей.

К вечеру все наши гагачата ныряли так же, как и дикие, и кормились же не у берега, а по всему заливчику. Даже держаться они стали как-то паче — более подбористо, стройно. Но все же им было далеко до их ди-

ких собратий. Пух у наших гагачат был более рыхлый, пушистый, он скоро намок, и тогда гагачата выбирались на бережок и сушились на солнышке. А дикари целый день находились в воде и, казалось, не чувствовали никакой потребности выйти на берег.

Наступил вечер. Нужно было гагачат звать домой и сажать за печку. Как же быть с новичками? Неужели опять выгонять на берег и ловить?

Прибежала Наташа:

— Подождите, подождите, дайте-ка я позову... Кру-кру-кру! — закричала она.

Сейчас же весь табунок поплыл к берегу. Только три диких гагачонка продолжали плавать посередине заливчика. Наши гагачата один за другим начали вылезать на берег. Вдруг один из дикарей поднял головку, огляделся и, кажется, впервые заметил, что заливчик опустел. Он беспокойно заметался по воде, как бы разыскивая выводок, увидел вылезавших на берег гагачат и припустился за ними. Следом бросились к берегу и два других гагачонка. Так вместе с нашими и дикари добрались до самого инкубатория. У дверей произошла маленькая заминка: три дикаря сперва не хотели входить в дом, но и тут стремление находиться в стае взяло верх, и, потоптавшись немного у дверей, они робко последовали за всем выводком.

Эти первые наблюдения над дикими и домашними гагачатами дали нам много интересного. Они показали, какое огромное влияние в природе имеют подражание и инстинкт стайности.

На следующий день дикие гагачата еще более освоились и уже вместе с нашими плыли к берегу, когда им кричали «кру-кру».

На третий день, когда мы собрались обедать, в комнату вдруг вбежала Рая.

— Скорей! — закричала она. — Гагачата уплывают!

Мы выскочили на берег. Заливчик был пуст, а далеко в море виднелась плывущая гага. Следом за нею по воде двигалась целая масса черных точек. Значит, в наш заливчик прилетела дикая гага, может быть, даже мать тех самых трех гагачат, и увела своих, а заодно и всех наших.

В один миг мы с Николаем сели в лодку и пустились в погоню. Море было совсем тихое. Гага с гагачатами плыла очень быстро, направляясь к соседним островам. Но мы нажали на весла и начали нагонять беглецов. Вот они уже близко. Гага, видно, попалась чадолюбивая, она никак не хо-

тела улетать и бросать такое большое семейство. Она плыла все быстрее и быстрее, уводя за собой гагачат.

Мы начали выбиваться из сил и отставать. Состязание, казалось, было проиграно. Наконец я почувствовал, что грести больше не могу. Я бросил весла и, прощаясь с гагачатами, закричал:

— Прощайте, кру-кру-кру!

И тут вдруг среди гагачат произошло смятение: они сбились в кучку и приостановились.

— Кру-кру-кру! — закричали мы оба.

Гага, увидев замешательство выводка, тоже остановилась. Она повернулась к птенцам и, хлопая по воде крыльями, кричала, звала за собою.

Так состязались мы с дикой птицей, маня к себе гагачат.

Птенцы толпились в нерешительности: куда же плыть? Наконец некоторые повернули и поплыли в нашу сторону, а за ними последовал и весь выводок. Только три диких гагачонка остались возле гаги.

Напрасно она кричала и металась по воде, стараясь привлечь к себе птенцов. Для тех, кто родился среди людей, в инкубаторе, кто жил в углу за печкой, для тех зов «кру-кру» оказался более знакомым и близким, чем призывный крик дикой птицы.

Так и прожили гагачата у нас в вольере около месяца. За это время мы очень привыкли к своим питомцам и с сожалением думали о том, что скоро придется с ними расстаться, подпустить наших гагачат к диким выводкам.

И вот наконец наступил этот день.

Мы посадили всех гагачат в две корзины, отвезли на соседний остров. Там в небольшой бухточке плавали дикие гаги со своими птенцами. Наши гагачата тут же присоединились к ним.

Николай поставил парус, и мы поплыли обратно, с грустью оставляя; малышей. Случайно я обернулся к острову:

— Коля, Коля! Смотрите, что делается!

Николай обернулся. За нами следом, растянувшись длинной вереницей, плыли гагачата. Они старались изо всех сил догнать быстро уходившую лодку.

Мы сняли парус, остановились, и весь выводок с радостным писком окружил нас.

Пришлось возвращаться обратно и опять подпускать гагачат к дикарям.

Чтобы обмануть наших питомцев, мы перетащили лодку через песчаную косу на другую сторону острова. Гагачата, очевидно, решили, что мы тут же, на берегу, и занялись отыскиванием еды в прибрежной растительности.

В последний раз мы полюбовались своими малышами: «Ну, оставайтесь, растите на воле!»

Мы обогнули косу и поплыли домой.

